

- 331676 -

ДАВИД
КУГУЛЬТИНОВ

РАЗНОТРАВЬЕ

С(калм)2
К886

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

РАЗНОТРАВЬЕ

СТИХИ

Перевод с калмыцкого

— 337676 — ae

С(Калм)
К88

Кугультинов Д. Н.

К88 Разнотравье. Стихи. Пер. с калм.
М., «Современник», 1975.

367 с., 1 л. портр. (Б-ка поэзии «Россия»).

Имя народного поэта Калмынии Давида Кугультинова хорошо известно всесоюзному читателю. Он автор многих книг. В издательстве «Современник» в 1973 году вышла поэма Д. Кугультинова «Бунт разума». Настоящую книгу составили стихи поэта разных лет. Им присущи высокие мотивы гражданской ответственности, любви к Родине, философских раздумий о человеческом бытии.

К $\frac{70403-227}{M106(03)-75}$ 198-75

С(Калм)

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О ПОЭЗИИ

Мне сейчас за пятьдесят. Пройдена большая часть жизни. Если учесть, что в восемнадцать лет я был принят в члены Союза писателей СССР за свой первый сборник «Стихи юности», — немало бумаги извел я, и, разумеется, не все написанное нужно было писать, тем паче печатать. Так мне кажется теперь, с высоты моего возраста, после того, как проработал в литературе сорок лет (столько времени прошло с напечатания моего первого стихотворения) и вроде бы стал в ней что-то понимать. Пусть не примет читатель это мое признание за кокетство «не по летам», есть сферы деятельности человека, в которые чем более он вникает — тем большая бездна непознанного открывается ему. К этим сферам относится литературный процесс.

Я много думал о своем ремесле, и сейчас мне хотелось бы поделиться с читателем, прежде чем он приступит к чтению стихов предлагаемого сборника, некоторыми мыслями. Разумеется, мысли эти высказываются не как конечные истины и отнюдь не являются попыткой «делиться опытом». «Опыта», если исключить навыки в версификации, технику стиха, в поэзии не существует. Проявление его в поэзии означает начало гибели ее, подобно проявлению опыта в любви. Неведомое — жизнетворный путь поэзии.

Мудрый Пришвин как-то заметил, что в литературе нет учителей и учеников, писатели все учатся друг у друга. Это высказывание кажется противоречивым. Однако в нем глубокая истина. Если бы в

литературе были учителя и ученики, то любой желающий мог бы получить специальность писателя. Одного желания писать мало, действует жестокая истина: «Талант — редкость». Эту истину знал еще Василий Кириллович Тредиаковский, который сказал: «Стих — дело невеликое, но поэт в человечестве есть нечто редкое».

Все признают, что только наличие таланта дает возможность человеку стать поэтом. Разумеется, если он его развивает. Но веками уже доказано, горькой ценой опыта множества людей найдена правда, что талант не приобретается и отсутствие его ничто не может заменить: ни огромное желание, ни эрудиция, ни сила протекции. Так что же такое талант?

Редчайший химический элемент радий супруги Кюри извлекли из урановых руд и увидели на кончике иглы. Движение мельчайших частиц атома физики наблюдают в своих лабораториях, но есть ли человек, который видел вещество таланта?

Ах, если бы можно было найти такую лакмусовую бумагу, которая точно определяла бы, где талант, а где кислота. Вещество таланта должно быть гораздо светлее солнца, — я уверен, оно светящееся и несет в себе неисчислимую благородную энергию.

Разумеется, разговор о лакмусовой бумаге — блажь, мечта. И все же есть в жизни критерий, определяющий талант. Таким определителем таланта являются народ и время.

Было бы неверно думать, что признание народа является самоцелью поэтического труда. Поэт работает для того, чтобы жизнь народа, жизнь человечества стала лучше, счастливее, радостнее, чтобы сам человек стал красивее, благородней, и если это поэту удастся — ему отвечают признанием и любовью.

Поэт помогает человеку стать человеком, имя которого звучит гордо. Конечно, поэт прежде всего сам должен быть Человеком с большой буквы; когда я думаю о назначении поэта, приходит мысль: может, и человек стал человеком оттого, что в человечестве появился первый Поэт?

Талант — в любой сфере искусства — явление, которое присутствует в человеке вместе с геном. Однако талант нуждается в бережном, терпеливом выращивании его не только теми, в ком он есть, но и окружающей средой носителя таланта, людьми. Та-

лант — ценность не только его обладателя, но и всего общества, человечества. В любой сфере искусства талант становится духовной ценностью только в том случае, если он направлен на благо общества. Я имею в виду его служение людям. В противном случае он лишь смычок без скрипки. Эта мысль подтверждается историей искусств, историей литературы. Возьмем, к примеру, великую жизненную силу творчества Некрасова. Его художественный опыт дает нам уроки подлинной гражданственности и народности настоящего таланта.

Поэзия рождается мыслью, но не для того, чтобы быть ее служанкой. Некрасов хотел видеть жизнь прекрасной и во имя этого бесстрашно вскрывал все то, что мешает ей быть прекрасной. Его не убаюкали сладкие звуки мечты, но и подавила устрашающим гнетом действительность. Он не потерял ни голоса, ни совести, ни мужества. Страдания и муки обездоленного народа, пропущенные через сердце поэта, превращались в могучую силу для борьбы, стелания народа — в призыв к ратному подвигу за правое дело.

Некрасов встречал глубокое понимание со стороны прогрессивной России, — говоря иными словами, читатель или разделял его взгляды, мысли, настроения, или с его помощью обретал для себя те же взгляды, мысли, настроения.

Писатель, являющийся носителем совести эпохи, никогда не стремится к тому, чтобы заслужить своим творчеством поощрение кого бы то ни было, как, впрочем, и прощение. Но он должен обладать гражданским мужеством, которое могло бы заставить его и муки принять или даже умереть во имя своей правды, как Пушкин, как Шевченко, как Некрасов.

Подобно тому как математика с помощью двух известных чисел находит третье — неизвестное, литература, исходя из известного прошлого и известного настоящего, воссоздает неизвестный образ будущего.

Литература не просто отражает жизнь, роль ее более активна: отражая, она и комментирует жизнь, подает ее в своей интерпретации, воссоздает с качествами, которые иногда глубоко скрыты, вмешивается в воссоздаваемую действительность, влияет на нее.

И, может быть, это ее качество имел в виду Достоевский, когда записывал мысль: «В поэзии нужна страсть, нужна ваша идея, и непременно указующий перст, страстно поднятый».

Безразличие же и реальное воспроизведение действительности ничего не стоит, а главное — ничего и не значит. Такая художественность нелепа; простой, но чуть-чуть наблюдательный взгляд гораздо более заметит в действительности».

Отражение жизни нашей литературы — нестатично, ибо сама жизнь — движение. Литература воссоздает непрерывность этого движения с опережением, доступным ее видению, проникает во внутренние механизмы, вызывающие движение, ставит вопросы «из завтра» или «для завтра». Все это она делает страстно, тенденциозно, заинтересованно, с революционных позиций. Ибо искусство — не только возвращение сознания в прошлое, но и — активное вторжение в грядущее.

Истинный поэт силой таланта может проникать в сокровенное души, ловить тончайшие ее нюансы и обращать в волнующую поэзию. Мне всегда казалось, что тайна, сокрытая в самом человеке, гораздо сложнее тайны природы, как бы ни была она сложна. И тайну души открывает магия музыки и мудрость поэзии.

Мышление поэта весьма отличается от логического мышления ученого. «Сердечным» когда-то удачно назвал Фет образное мышление поэта. Настоящее стихотворение — всегда организм живой, и оно погибает при разъятии его на части. Жизнь стиха не в зримых частях, составляющих стихотворение, а в самых незримых соединениях этих частей.

Возможно, литература — единственная сфера деятельности человека, где ценности создаются не коллективным соавторством, а индивидуальностью художника. Сто эпигонов, современников Лермонтова, собравшись вместе, не смогли бы создать даже маленькое стихотворение, равное стихам гения. Это качество литературы требует от нас того, чтобы, рассматривая общий процесс развития литературы, мы видели творческое лицо каждого писателя. Индивидуальность художника начинается от его собственного видения мира, нравственной высоты, внутренней культуры.

Мы неверно порой понимаем биографию поэта, когда подчеркиваем, что имярек был арматурщиком, слесарем, пахал, сеял и, значит, «знает жизнь». Пушкин, Лермонтов, Есенин не варили сталь, не пахали, но их готовность к восприятию чужих радостей, чужой боли, правды и неправды в мире, понимание жизни личности поражают нас. Трудовая биография — достойное дело. Но для поэта не менее важна биография души, впечатления бытия, отложившиеся на дне ее в форме кристаллов опыта чувств.

Воспитание, песня, услышанная в детстве, ранняя боль, повышенная чуткость слуха, зрения — формируют готовность к восприятию более высоких духовных впечатлений жизни.

Надо думать самостоятельно, надо видеть самостоятельно.

Глядящий на мир чужими глазами, вдохновляющийся чужой страстью никогда не создаст произведение, которое тронуло бы сердца.

Стихи — не жевательная резинка интеллекта и не ребусы для тренировки мозга. Они должны быть ясными и нести новую мысль, делающую открытие истины.

Неясность мысли рождает неясность формы. Форма и содержание так взаимосвязаны, что одно без другого не могут существовать, как не могут существовать врозь истинно любящие. И только благодаря этой взаимной любви, содержание и форма рождают прекрасных детей — произведения искусства.

Литература напоминает мне мифическое растение, о котором у калмыков есть сказ. Это растение обладает волшебным свойством. Каждый, кто вкусил его, обретает силу и здоровье. Оно никогда не растет там, где уже однажды росло, ибо вбирает в том месте все живительные соки земли. Нужно искать его каждый раз заново.

Вся трудность поисков заключается в том, что оно такое же на первый взгляд, как все травы вокруг, и дается лишь тому, кто отмечен высокой судьбой.

Видимо, для писателя метой судьбы будет талант, а тем дивным растением — творчество. Но грустно, когда подумаешь о том, сколько авторов принимают за мету судьбы родимые пятна, а вместо волшебного растения подают читателю обыкновенную горькую полынь.

Кто-то из великих мыслителей сказал, что стремление к симметрии есть недостаток человеческого мышления. Мы живем в век активного мышления, который как-то даже презирает симметрию — уют познанного, привычного глазу, и рвется к непознанному, чтобы постичь его и двигаться дальше. Литература обязана помочь человеку в его движении вперед и в познании самого себя.

Стихи и песни прошлых лет, мифы и эпос одинаково необходимы для формирования характера и сознания советского человека, как и произведения нынешних писателей о сегодняшнем дне. Стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» — современнейшее произведение, оно — сама трепетная любовь, которая прекрасна во все времена. Без любви нет поэзии.

Я люблю жизнь — и потому пишу стихи.

Д. Кугультинов

ЗОВ АПРЕЛЯ

Когда я вижу, как цветок в апреле
 Развертывает лепестки свои,
 Как бабочки, что в травах заперели,
 Вдруг замирают, словно в забыты,

Когда влюбленную встречаю пару, —
 Пронизанные радостью насквозь,
 Они молчат в тени под липой старой, —
 Я понимаю: это началось!

Упорно, неотступно прорастая
 Внутри уже набухшего зерна,
 Внезапно
 сила — буйная, крутая —
 От зимнего освободилась сна.

Смешала солнца яростные соки
 С медлительными соками земли,
 Запели птицы, розы расцвели,
 И взмыл до неба свет любви высокий.

Дремавший в ледяное время года
 Теперь лишь он диктует свой закон,
 И, властвуя над силами природы,
 Весенним миром правит только он.

Могу ль усомниться, однажды изведав,
В том чувстве, что с вечностью я — неделим?
Быть может, оно — от степных моих дедов?
А может, испытано мною одним?..

Не знаю... Но стоит мне выйти в просторы,
Увидеть, как падают звезды в траву, —
С сознания точно спадают затворы,
И ясно мне: здесь я извечно живу.

Меж миром и мною исчезли границы.
Я — воздух. Я — ветер. Я с далями слит.
И кто различит — это мысль или птица
Над вольным, шуршащим покоем парит?

Как тополь, я смысл постигаю высокий,
Как травка, и знать не хочу — что к чему...
Какие тут могут быть счеты и сроки?!
Брожу и дышу... И никак не пойму,

Никак не решу я простую загадку:
Когда эти мысли ко мне притекли —
В моей только жизни — и бренной и краткой —
Иль, может, в начале всей жизни Земли?!

Трепеща, купаясь в тепле,
Сыплет жаворонок свои трели.
— Для кого, дружок, на земле
Ты поешь в этот день апреля?

От дыхания ветерка
Шелестят еле слышно травы...
— Для кого, наклоняясь слегка,
Травы, шепчетесь вы лукаво?

Понимаю сердцем своим,
Что им нужно — траве и птице.
Видно, радость не в радость им,
Если ею не с кем делиться.

И, признав меня земляком,
Способ ищут они все вместе —
Бессловесным своим языком
Передать мне светлые вести.

Мне ясна их добрая цель.
Ведь не знают эти создания,
Что меня одарил апрель
Древней силой всепониманья.

Ветерок раздул занавеску,
 Поиграл, да и был таков!
 Но занес мне частицу блеска
 Распустившихся за ночь цветов,
 Свист стрижей и веселый щебет
 Все ж добросил он до меня...
 Жизнь как будто заново лепит
 Золотое начало дня.
 Новый день! Ты опять со мною!
 Свежесть утра, голубизна
 Со струею воды ледяною
 Прогоняют остатки сна.
 Что с тобой появилось вместе?
 Только солнце?.. Иль все же тень?
 Ты какой одаришь меня вестью?
 Я люблю тебя, новый день!
 Принимал я тебя, не хныча,
 И у пропасти на краю...
 Что же ты впечатаетшь нынче
 В ненасытную память мою?

Постойте! Вы были в стране Апреля?
Где птичья трели? Где звон капли?

Еще не бывали?.. Несу вам вести!
А лучше со мной поспешите вместе!

Там столько событий — волшебных,
разных...
Сегодня Солнце справляет праздник.

Вы видите: весь небосклон в движенье.
Похоже, Солнышко сына женит.

А может быть, не скажу вам точно,
Светлейшее выдало замуж дочку.

А может, их светлость, забыв про старость,
С возлюбленною наконец сочеталось?..

Да так иль иначе, но в это утро
Оно разукрасило Землю мудро,

Очистило мир от зимы постылой
И души людские в цветы превратило.

Пьянит нас игристым воздухом-пивом,
Само, развеселое, правит пиром.

Друзья, торопитесь в страну Апреля!
Потом не сердитесь, что не успели!

Апрель, апрель желанный
Сорвал замки с дверей!
И званный, и незванный,
Входите к нам скорей!

Апрель — пора открытий!
Распахнуты сердца.
Влюбленные, спешите!
Не стойте у крыльца!

Апрель, апрель зеленый,
Шутя взмахнет платком —
Спадают с глаз заслоны...
Друзей мы в гости ждем.

Апрель, апрель лучистый!..
Ручьев звенящий бег...
Душа с душою чистой
Сплетается навек.

На улицах и на бульваре я,
Как все, в весеннем был угаре
И вспомнил, что весной в Болгарии
Друг другу «мартеницы» дарят.

Эмблемы счастья бело-красные,
Расцвета знаки и веселья
Дают друг другу, марты празднуя...
У нас разгар весны — в апреле.

В апреле делятся влюбленные
Со мною радостью живою,
Ведь радость, с кем-то разделенная,
Не медля возрастает вдвое.

Желают счастья мне прохожие...
Сегодня люди подобрели.
Все, все, как есть, они — хорошие,
Видать, таков закон апреля.

Ах, надо б нам дарить «апрелицы»,
Чтоб вспомнить о законе этом!
Пусть каждый щедро счастьем делится
И в осень, и весной, и летом!

Как песни лимбы — трепетной свирели, —
Все месяцы весенние чисты.
Но лучезарней месяца апреля
И между ними не отыщешь ты.

И, тесноту оставив городскую,
Я в степь иду, в расплесканную гладь,
Лишь в нашей степи видел я такую
Цветущую живую благодать.

Оттенками богата степь несметно,
Лиловость, ярь и золото вобрав,
И чувствую — душа моя бессмертна
В горячем, буйном ликованье трав.

Накат зелено-синего прибоя,
Сменяющего медленный отлив,
Уносит все желанья с собою,
Тотчас же их сторицей возвратив.

Сегодня в жизни — ни единой тени,
Одни улыбки и прозрачный смех,
Сокровищами,

 словно бы в забвенье,
Жизнь делится
 и одаряет всех.

Под деревьями густого парка,
Где скамейки выстроились в ряд,
В дни, когда невыносимо жарко,
Сгорбленные бабушки сидят.

Точат лясы старые калмычки
В обществе седых своих подруг,
А внучата, по своей привычке,
Как телята, носятся вокруг.

— Здесь чудесно, словно в царстве Бумбы, —
Бабушки решают не впервой...
Между тем внучат прельщают клумбы
Золотом, багрянцем, синевой.

И ребята тянутся влюбленно
К шапочкам левкоев и гвоздик...
— Дети, отойдите от газона!
Не топчите!.. — раздается крик.

Правы мудрые старухи эти,
С ними согласиться я готов...
Но похожи на фиалки дети,
Им пристадо быть среди цветов.

Тучи появились в небе чистом,
Потемнели, дали обложив.
Над землею с трепетом и свистом
Низко-низко реяли стрижи.

Ветерок, повеяв из-за гребня,
Всю округу пропитал насквозь
Долгожданной влагою целебной...
К ночи — представленья началось.

Прокатился гром раскатом смеха,
Молния рукою озорной
Разорвала небо,
 и в прореху
Хлынул дождь — веселый, проливной.

Так хлестал, что небу стало жарко!..
Лишь наутро он утих вполне,
Через радугу, как через арку,
Въехал день на золотом коне.

Солнце, землю обсушив на славу,
Сеяло лучи во весь размах,
И деревья, и цветы, и травы
Удлинялись на моих глазах.

То, что воздух душистый, степной —
Все равно что аршан молодящий, —
В этом я убеждаюсь все чаще,
По просторам блуждая весной.

Вот и нынче, прекрасно устав,
Я поднялся поспешно по склону.
За спиной у меня — Элиста,
Луг шумит подо мною зеленый...

Как щемяще знаком этот вид!..
Опираясь на ножки петвердо,
Жеребенок поднялся... Стоит...
В матку тычется длинной мордой.

Снова взят я польнюю в полон,
Горький дух ее мил с малолетства...
Точно я не взобрался на склон,
А спустился в далекое детство!

И, как в детстве, весна — хороша,
Небо чисто. Пьянит разнотравье...
Вправду, молодости аршан
Степь влила в меня, годы убавя.

Глянцевитой лазурью плотной
 Небосклон расписали весь...
 Может, рериховские полотна
 Кто-то добрый развесил здесь?..

Кобальт, охра, дымно-лиловый...
 Меловые блики — дома.
 Вдоль прозрачно-легкой основы
 Золотая вьется кайма.

Безмятежно утро, безгрешно
 Мир покоится в забыты...
 Почему ж воробьи поспешно
 Укрепляют гнезда свои?..

Знают птицы: яркость лазури
 Предвещает злобный порыв...
 Скоро грянет пыльная буря,
 Солнце тьмой тяжелой закрыв.

Видно, нет и в природе идиллий
 Беззаботно-ясного дня...
 Эти горькие мысли
затмили
 Радость утра в душе у меня.

И безветренна даль, и тепла,
Труд не спорится в эту погоду!
Слышу, в сад залетела пчела
За нектаром для раннего меда.

Пожужжав, избирает цветок
С золотой, как янтарь, сердцевиной,
Запустила в него хоботок,
Тянет, тянет упорно и длинно.

Отдалась безраздельно труду,
Позабыв о приволье полета...
За ее вдохновенной работой
Я слезу, все никак не уйду!

Наконец шелохнулось крыло —
С разрисовкой тончайшей, сквозною,
И работница с ношей дневною
Над цветком поднялась тяжело.

А до улья лететь далеко!..
Что ж, премудрый, ты хмуришься гневно?..
Видишь, даже пчеле нелегко
Выполнять свой урок ежедневный!

В день весенний, радости возрадивший
Людам, и земле, и небесам,
Под ветвями белопенной вишни —
Той, которую взрастил ты сам,

Глубоко вдыхая влажный воздух,
Взгляда не отводишь от красы:
Лепестки — в дрожащих мелких звездах,
В крапинках блистающих росы.

До чего напоминает все же
Вишнего цвета белизна
Нежную атласистую кожу
Девушки, очнувшейся от сна!

В каждый легкий лепесток взглядишь ты, —
Как его рисунок завершен!
Всюду — след неповторимой кисти,
Гениальной в малом и большом.

Да, художнице Природе славу
Возглашает каждый лепесток:
В живописи — левой или правой —
Ирреальности ее никто не смог!

ПОЛЫНЬ

Когда апрель рассыпал горсти
Лучей — сверкающих монет,
Я собирал в степи букет...
Цветы, как праздничные гости,
Меня пьянили пестротой —
Пунцовы, золотисты, сини...
И я не замечал полыни —
Такой привычной и простой.

Жарою сделалась теплынь,
И перешли в другие страны
Ромашки, лютики, тюльпаны.
Осталась горькая полынь.

Не помышляя о разлуке,
Она выносит знойный ад.
Струит целебный аромат,
Со степью, с нами делит муки
И машет мне рукой своей,
Как будто вовсе не в обиде,
Что, обольстясь красой гостей,
Я проходил,
ее не видя.

БАБОЧКА

Переливом синего шелка
Над травой проблестала колкой,
На зелененькую метелку
Села, словно цветок живой.

И как девушка — юбкой модной,
Щеголяет красой природной,
Мол, «любуйся, если угодно,
Тонких крылышек синевои!

Посмотри, какие узоры
И на спинке, и на груди!
Королеве экрана впору
Мой наряд!.. Оцени!.. Гляди!»

«Не она ли, в другом обличье,
Позабыв и стыд, и приличие,
Сожрала все листья клубничьи?!
Уничтожь ее на лету!» —
Мне подумалось в ту минуту.
Мысль разумной была как будто...

Но руки своей почему-то
Я не поднял на красоту.

Ой, весна!.. Не балуй, гляди!
 Силу глаз голубых не пробуй!
 Молодых парней пощади!
 Не смущай их своей особой!

Не маши им цветком, шутя!
 Не вноси в их сердца тревогу.
 Стой, послушай меня, дитя,
 Я ведь — опытнее немного...

Простодушных юнцов не тронь!
 Эк ведь, как ты их закружила!
 Ой, гляди, чтобы твой огонь
 И к тебе не проник бы в жилы!..

Ты другим дурман не готовь,
 Опьянишься своим же зельем...
 Обожжет и тебя любовь,
 Распростишься тогда с весельем...

Озорно хохочет она.
 Подбежала... Блеснула рядом.
 И меня полоснула взглядом...
 Ой, пропал!..

Пощади, весна!

Опять свершилось чудо:
Из сказочной дали,
Не то невесть откуда
Красавицы пришли.

Одна, с зарею схожа,
Блеснула у ворот.
В лицо взгляделся... Боже!
Мы с ней знакомы год!

Мы с ней давно знакомы,
Но девушка, маня,
Впервые по-иному
Взглянула на меня.

Дарует перемены
Ручьев журчащих бег.
Все ново во вселенной,
Когда растает снег.

Смывая с лиц печали,
Весна вершит свой путь,
Чтоб люди показали
Их подлинную суть.

Я посвятил стихи весне,
 Где лестных не жалел сравнений,
 Надеюсь, что оплатит мне
 Она удачею весенней.

Она ж,
 кудрей отбросив прядь,
 Сказала:

— Ты меня как будто
 Считаешь той персоной дутой,
 Которой нужно сладко врать.

Ты словно вышел на базар
 Со мною — скромной и смиренной,
 Меня ты хвалишь, как товар,
 Безбожно набивая цену.

Пойми, мой друг, что лесть мила
 Одним глупцам... —

 Она умчалась,
 Резва, как бабочка, светла...
 В ее словах сквозила жалость.

И, разглядев себя вполне,
 Я усмехнулся недовольно
 И благодарен был весне,
 Чуть слушать правду было больно.

Когда я стоял, упиваясь игрою
Пичужек, мелькавших в лучах золотых,
Мечтая, как в детстве:

вот-вот я открою,

В чем тайна полета свободного их,
Вдруг рядом со мною, за ближним холмом,
Послышался выстрела сухонький гром.
Еще не рассеялся сизый дымок,
А думать о добром я больше не мог.
И было мне больно, и было мне тяжело:
«Как так — человек, не создавший пока
Не то что комарика или букашку,
Но хоть бы комочек живого белка,
Хоть самое простенькое существо, —
Все силы ума своего и таланта
Направил на то, чтоб себя самого
Разбрызгать на волны легчайшего кванта?!»
Но добрые травы, и небо, и птицы
Меня утешали:

Живое любя,
Посмотрит на них человек и, частицы
Вселенной собрав, — воссоздаст и себя.

Зеленая, еще не колосится,
И все-таки высоко поднялась...
Густая шелковистая пшеница
Блестит на солнце и ласкает глаз.

Ее простая прелесть не тревожит
И словно бы загадок лишена,
Но из красот весны она, быть может,
Всех больше человечеству нужна.

И я люблюсь ею, рядом стоя,
Так, будто сам с волнением, тоской,
В соавторстве с землею и водою,
Замыслил некогда ее такой.

И позже — с вдохновеньем и искусством
Растил, лучами растопивши лед,
И вот теперь с таким ревнивым чувством
Слежу за продолжением работ...

Молю, чтоб мир она преобразила,
Желанья наши воплотив вполне...
Как будто я в нее вложил все силы,
А силы вдвое прибыло во мне.

Кудрявый, на ножках точеных,
Руном серебристым блестя,
Малыш, трехнедельный ягненок,
Резвится в степи, как дитя.

Он так взбудоражен игрою
И силой окрепнувших ног!
Точь-в-точь как дитя озорное,
Подпрыгнул, несется вприскок.

Головка — немножечко набок...
Ой! Что-то стоит впереди!
Втянул удивительный запах
И словно воскликнул: «Гляди!»

И в том же восторге ягнячем,
Что счастьем зовут у людей,
Смешно, победительно скачет
К встревоженной матке своей...

Весна ему дарит обновы,
Ликует кудрявый, шалит...
Он, словно цветочек махровый,
Со степью апрельскою слит.

День двенадцатого апреля
Миру был так щедро подарен!
И слова по Земле гремели:
«Подвиг», «Слава», «Юрий Гагарин».

Разносились гордости клики,
Восхищенья искры живые...
Повторяли мы все: «Великий».
Мы писали в статьях: «Впервые»...

Слов нетронутых нет на свете,
Непривычных метафор — мало.
И до этого дня в газете
Много слов подобных мелькало.

Но с тех пор, как Земля в движенье
Круг за кругом вершит усердно,
От могучего притяженья
Не дерзал отрываться смертный.

И едва совершилось это,
К нам вернувшись вместе с ракетой,
Далью полное незнакомой
Слово

снова

стало

весомо.

ЗАПАХИ ВЕСНЫ

Сегодня, услаждая чувства
Дыханьем теплым ветерка,
Я думал о путях искусства
И фантазировал слегка.

Обогащая наши души,
Искусство окрыляет нас,
Лаская музыкою уши,
Чаруя живописью глаз.

Но есть еще одна дорога,
Искусство есть еще одно...
Пока его не судят строго,
Ему названья не дано.

И все ж подчас

вспоминанье

Встает пред нами во плоти
Лишь потому, что обонянье
Нам помогло его найти.

Подчас среди запахов бензина
Повеет ветерком степным,
И милые всплывут картины...
Мы радуемся. Мы грустим.

Бывают запахи, в которых
О близком счастье скрыта весть.
Все пахнет: пыль, песок и порох.
У неба тоже запах есть.

И может быть, явился кто-то,
О ком вот-вот узнает мир,
Кто запахам придумал ноты
И написал по ним клавир.

И, может, я о нем услышу,
Прочтя на выступе стены
Необычайную афишу:
«Концерт из запахов весны».

СТИХИ О ЛЮБВИ

С тех пор как я люблю тебя, с тех пор
Чудес не счесть во мне и во вселенной.
И нынче, рассмотрев себя в упор,
Был поражен я новой переменной:
Все люди, что мне издавна знакомы,
Теперь предстали как-то по-другому.

Я вижу то, что в них не различал
Иль, может быть, отталкивал упрямо?
И кажется, что к солнечным лучам
Прибавился один — пытливый самый..
Он мягко озаряет все живое —
Луч нежности, затепленный тобою.

С неба видел я полей квадратики
И хитросплетенья синих рек.
Я ступал на берег Адриатики,
Ощущал Памира вечный снег.

Жизнь далекие пути отмерила,
Побродил я широко вокруг:
Вдосталь изучил природу Севера,
Согревал меня лучистый Юг.

Благодарный миру за доверие,
Выложу всю правду, не тая:
Все ж не наслаждался в полной мере я
Дивным совершенством бытия.

За морями и за перевалами,
Средь земных бесчисленных красот
Красоты твоей все не хватало мне...
Все-то мне тебя недостает!

Чтоб лучшие слова найти для вас
И душу вам порадовать при встрече,
Перебираю в памяти запас
Сокровищ русской и калмыцкой речи.

Воскликну: «Дорогая!» В тот же миг —
Увы!.. Поэт — ассоциаций пленник! —
Невольно умолкает мой язык,
Почуяв в этом слове привкус денег.

«О милая!» — готов сказать я вам...
Но чувств моих несметные богатства
В расхожем этом слове не вместятся:
Вы слышите?.. Оно трещит по швам!

И лишь когда я говорю: «Люблю!» —
Созвучье это, сердце мне объемля,
Стремится вдаль, подобно кораблю,
Невиданные открывает земли...

Прошу тебя:
С ним обо мне,
А не о нем со мною
Ты говори, любя иль не любя,
Не мать и не подруга я.

Иные
Ты мне слова и мысли приготовь,
И не вверяй мне
Тайн своих отныне,
И дружбой
Не карай мою любовь.

Человек я современный,
И лицо твое родное
По традиции почтенной
Не могу сравнить с луною.

Сбросив тайны покрывало,
Изменясь вблизи во многом,
Вся в пыли
 луна предстала
В наши дни перед Армстронгом.

Со звездой во всем сиянье
Не сравню твой образ милый:
Ведь на близком расстоянии
Звездный свет теряет силу.

Ты же, чем к тебе я ближе,
Тем таинственней, тревожней.
Новизна тобою движет...
С кем сравнить тебя возможно?

Чем тебя порадовать могу?
 Какое доброе свершить мне дело,
 Чтобы твоя улыбка потеплела?

За каждый день я у тебя в долгу
 И каждый миг об этом беспокоюсь...

Вот и сегодня я послал на поиск
 Все мысли — пусть помчатся за тобой,
 Узнают, что тебе и вправду надо...

Любое утешение, отраду
 Готов я раздобыть ценой любой,
 За тридевять земель пойти бы рад,
 Чтоб заслужить твой благодарный взгляд,
 Схватить его, в любовь свою обрмить
 И поскорей к себе запрятать в память!

Но в дни, когда с мужчиной наравне
 Вы, женщины, не только на бумаге,
 Подобный дар сыскать легко ли мне?

Ведь если б я купил в универмаге
 Струистый шелк или пушистый мех —
 Да ты бы подняла меня на смех!
 В мещанстве обвинила б,
 может статься,
 Со мной совсем бы перестала зняться!
 Как странно! Я люблю тебя и знаю:
 Любовь была во все века — одна...

Но ты... Ты — не такая, ты — иная,
Чем те, кого в былые времена
Любили так же преданно и жгуче:
Ты — бескорыстнее, свободней, лучше!

Душевный голод мой неутолим.
Как быть мне? Утешаюсь лишь одним,
Что в наши дни все сплетено, все смежно,
Не на отдельных островах живем!
И путь твоих желаний неизбежно
Хоть где-то встретится с моим путем!

Незримая меж всеми нами связь.
И если радость в дверь к тебе стучится,
То в эту радость светлую влилась,
Быть может, и моей души частица.

Все время думать о тебе — давно
 Привычкой стало... Столько мыслей разных —
 Наивно-простодушных, странных, праздных —
 На ум приходит, самому смешно!

Они плывут... Их со счетов не сбросить!
 Да и кому — в иные времена —
 Не приходилось, несмотря на проседь,
 Как будто пробуждаться ото сна
 И днем ловить в своем воображенье
 Обрывки речи, голоса, движенья?!

Вот, скажем, услышал я, что бандит
 Сорвал часы у девушки красивой,
 И вмиг моя фантазия спешит
 Придумать что-то вроде детектива.

Горячечно работают мечты:
 Ну, девушка, конечно, это ты...
 Я — рядом... Руки я скрутил бандюге!..
 Все это ночью, снежною зимой,
 В лесной глуши, под завыванье вьюги...
 И гордо я веду тебя домой!

А вот иное... Будто ты больна.
 А я с тобою. Я не сплю ночами.
 И наконец опасность за плечами.
 Ты нежностью моею спасена
 И благодарна, как заведено...
 Смешно тебе?.. Еще бы не смешно!

И все же, друг мой, смейся иль не смейся,
Но истине простой не прекословь:
Без этих мыслей, глупеньких донельзя,
Как видно, не обходится любовь!

Звезды с неба смотрят вниз,
Наострили ушки вроде:
Мол, «откуда полились
Звуки трепетных мелодий?»

Звездам музыка близка,
Замигали вслед полету
Виртуозного смычка,
К небу тянущего ноту.

Он, смычок, поет, любя,
Пилит по сердцу, взрывая
То, что сам я от себя
В глубине души скрываю.

Скрипка плачет, и опять
Говорит одно и то же:
— Осторожней! Не утрать
То, что с прочими не схожа!..

О, когда бы с высоты
На меня, полна участия,
Вместо звезд, смотрела ты!
Может статься... Может, счастье...

Жду тебя...

Жгучий ветер, протяжно трубя,
Обжигает лицо...

Жду тебя...

Снег поземкой шуршит, под ногами
скрипя...

Жду тебя... Жду тебя... Жду тебя...

Жду тебя...

А мороз, белым просом слепя,
На ресницах застыл...

Жду тебя...

И бросает меня не от холода в дрожь,
А от мысли, что ты не придешь!

В космической пучине ледяной,
Сквозь черноту, где звезд блестящих сонмы,
Лечу...

И ты сейчас летишь со мной,
И оба мы так сладко невесомы!

Вдвоем — не то летим, не то плывем,
В скафандрах — полурыбы, полуптицы...
И голос твой живительным теплом
Сквозь мрак и холод в сердце мне струится.

О счастье мы беседуем... Но вдруг
Ты застонала... В еле слышном стоне
Страданье, страстная мольба, испуг...
Нет кислорода у тебя в баллоне!

Последний мой баллон тебе тотчас
Я протянул... Жестокое удушье
Сдавило горло... Но живет мне душу
Сознание, что тебя я все же спас!..

И светлым этим чувством озарен,
Я умер... Я в гробу, в оцепененье.
И звуки музыки и сожаленья
Ко мне доносятся сквозь смертный сон,

Как будто бы сквозь времени пласты...
Но лишь одна меня волнует нота:
Там, возле гроба, тихо плачет кто-то...
Да, это ты... конечно, это ты!..

Твой голос шепчет: «Милый мой! Очнись!»
И в мертвом теле прежняя тревога,
И чувства, точно тени, поднялись,
И оживать я начал понемногу.

В глазах недвижных поредела ночь.
Я вижу все. И думаю невольно:
«Ты плачешь... Тяжело тебе и больно!
Я должен встать, чтобы тебе помочь!»

Когда ж вскричала ты: «Любовь моя!» —
Подобно заклинанью слово это
Вонзилось в душу острой вспышкой света,
И свет перехлестнул через края...

И, ощущая вновь биенье пульса
И убеждаясь, что любовь сильнее
Оцепененья, мрака, ста смертей, —
Я сбросил камень смерти...

и проснулся.

Что было «до»?

До дня, когда

Весна справляла торжество

И ты ступила на порог?..

Да что ж я делал те года?

Чем жил тогда?.. И для чего?

Как вообще-то жить я мог!

Не веря и немного веря
 В существованье скрытых сфер,
 Притихли зрители в партере
 И боязливо смотрят вверх

На палочку гипнотизера
 С ее блестящим острием.
 И силой голоса и взора
 Зал постепенно усмирен...

И зрители поодиночке
 Встают, качаясь, как во сне,
 И тянутся к блестящей точке,
 Как рыба тянется к блесне...

Смотрел и я, как мне сказали,
 На кончик палочки в упор,
 Но надо мною в этом зале
 Не властен был гипнотизер.

Как мог он голосом и взглядом
 Меня поднять и увести?
 Ведь ты со мной сидела рядом,
 Ты, с кем всю жизнь хочу пройти!..

Да разве есть на свете сила —
 Будь то приказ, будь то гипноз, —
 Чтобы двоих разъединила,
 Кого судьба свела всерьез?!

Что ж, если вы грустите о другом,
Как я о вас... Да совершится чудо!
И счастье вас да осенит крылом! —
Преградой между вами я не буду.

В сторонку тихо отойти смогу.
Как жил когда-то, стану жить и дальше.
Что ж, будьте счастливы!.. Нет, я не лгу!
В моих словах — клянусь! — ни капли фальши!..

Но там, внутри, под ворохом сухим
Разумных мыслей, пламенно и дико
Растет желанье — до тоски, до крика:
«Со мною будьте счастливы! Не с ним!»

Как вчера,
 приоткрыл ресницы
Молодой апрель на заре,
Как вчера,
 веселые птицы
Заливаются во дворе.

Зеленеют деревья тут же,
Тут же пышно цветет сирень...
День как будто ничуть не хуже,
Чем вчерашний погожий день.

Все светло, как вчера, в природе,
Как вчера, лучи — горячи...
Почему же ко мне не доходят
И не греют меня лучи?!

И какой-то призывок печальный
В пенье птиц я слышу с утра..
Улетела ты в город дальний,
Ты простилась со мной вчера.

Небо — словно не голубое,
Степь как будто бы отцвела...
Неужели одной тобою
И была мне весна светла?!

— В юности, в далекие года
Любим мы, смущаясь и робея...
Чуть не разлучился я тогда
С девушкой любимую свою
Из-за этой робости смешной... —
Нынче вспоминал приятель мой.

В юности?! О нет, не соглашусь!..
Нет, когда б оно ни разгорелось,
Пламя необузданное чувств —
Все равно теряют люди смелость!
У подростка ли, у старика —
Коль пришла любовь — она робка!

Проходят мимо — парами, толпой —
Ничем, ничем не схожие с тобой:
Ни голосом, ни поступью, ни взглядом...
О сколько женщин — в отдаленье, рядом—

Совсем других, чем ты... Что мне до них?!
Но если и представлю хоть на миг,
Что каждая из проходящих мимо
Кому-то на земле необходима,

Как ты — моей душе... И что, любя,
О них тоскуют и светло, и больно, —
То в этот миг покажется невольно,
Что все они похожи на тебя!

Как раз в те дни, когда струистый дым похвал
Приятной теплотой мне нервы щекотал
И я, прикрыв глаза, впивал блаженство это, —
Тебя прислала жизнь... И ты была ясна,
Обыденна была, как холодок рассвета,
Прервавший сладкий бред обманчивого сна.

Ты обожгла меня своей слезой живой...
По нервам пробежал негромкий возглас твой:
«Опомнись! Ты взялся за Дело для того ли?!»
И вдруг очнулся я, я сбросил забытьё
Под взглядом глаз твоих, трепещущих от боли...
О Добрая! Прости забвение мое!

Когда, ошибки не поняв моей,
Хвалил меня согласно хор друзей
И улыбался я самодовольно, —
Ты, ты одна, хоть сердцу было больно,
В слезах, все мужество свое призвав,
Твердила: «Ты не прав!.. Нет, ты не прав!»

Когда ж, моей не видя правоты,
Друзья меня корили за ошибку,
Лишь ты одна сияла мне улыбкой,
Мои сомненья разгоняла ты
Словами: «Да, ты прав!.. Ты все же прав!» —
Доверием мне силы даровав.

Когда на Юге в день апреля
Ты родилась, дитя весны, —
Листва шумела, птицы пели,
И щедро солнце с вышины
Тебя лучами согревало,
И ты лучи в себя вбирала...

И все сокровища тепла
На Севере, в стране суровой,
Моей любви ты отдала,
Любви, окоченеть готовой...
Ее дыханьем отогрела
И в счастье превратила смело.

ЕДИНСТВЕННОЕ СЧАСТЬЕ

Есть на земле для каждого из нас
Одно — единственное счастье,
И все мы ищем каждый день и час
Свое единственное счастье,
Но так как больше двух мы не имеем
глаз,
То трудно разглядеть единственное
счастье.

Однако в мире, среди толп людских,
Есть много миллионов глаз других,
Что могут разглядеть и в бурю,
и в ненастье
Искомое, единственное счастье.
А вдруг мое найдет один из вас?
Прошу я — сообщите мне тотчас!

Зачем тащить весь город на руках?
Лишь назову — он пред тобой предстанет.
Зачем печать молчанья на губах?
Скажу «люблю» — и сердце не обманет!..
А там друг друга мы пойдем без слов,
И станет светел мир для нас и нов.

Но чтоб, как город, слово зазвучало,
Чтобы запело, как любовь, оно, —
Ты ожидать его должна сначала,
Иначе слово пусто и темно.
Да предварит душевное доверье
То слово, что тебе скажу теперь я!

Когда ты возразишь мне горячо,
 Со мной не согласишься в том или в этом,
 Ты, — чье полжизни чувствую плечо, —
 Своим сияющая светом!

Я, чтоб избежать спора, может быть,
 Спешу тебе порою уступить,
 Хоть втайне убежден, что я-то прав!..
 Но ты, мою уловку разгадав,
 Задетая глубоко, чуть не плача,
 Воскликнешь: «Нет, ты думаешь иначе!
 Ты не согласен с мнением моим!
 Не притворяйся!.. Дай договорим!..»

Смотрю, ты не на шутку разошлась,
 Как щеки у тебя порозовели!..
 И, глядя в глубину любимых глаз —
 Они сейчас особо хороши! —
 Любуясь чистотой твоей души,
 Прозрачной, как погожий день апреля,
 Я вижу, что схитрить не удалось,
 И начинаю говорить всерьез,
 Что думаю, что в сердце мне пришло...
 Мы спорим долго, жарко, но не зло.

И если к соглашенью не придем,
 Поняв, что бесполезны разговоры,
 «Пусть каждый остается при своем...» —
 Ты скажешь, улыбаясь...

Эти споры

Не могут нас, двоих, разъединить,

Мы издавна согласны в мыслях главных.
И нас с тобой, обоих — разных, равных, —
Такая прочная связала нить,
Что стали мы единою душой.
Такой союз нерасторжим вовеки,
Мы два несхожие ума, как реки,
Соединили в некий ум большой.

Когда б на все явленья бытия
У нас, двоих, был взгляд один-единый,
То не умней мы были б — ты и я, —
А может, неразумней вполовину.

Ю. С. М.

Народные сказания чисты,
Истоки их —
 светлы и глубоки.
Есть в мире три острейших остроты,
Нам говорят калмыки-старики.

Когда дождем прольется небосвод
И солнце снова тучи разорвет,
Лучи его, что острые мечи,
Поют в старинных песнях джангарчи.

Когда в пути кочевник изнемог
И все доел он —
 до последних крох, —
По-волчьи у него остры клыки,
Нам говорят в преданьях старики.

Когда до срока умирает мать
И на детей свой устремляет взгляд,
Как будто хочет их в себя вобрать,
Тот взгляд всего острее, говорят.

Так нам внушали в мудрой простоте
Седые наши деды и отцы,
Но об одной, четвертой, остроте
Калмыцкие забыли мудрецы.

Когда любовь, что так была чиста,
Расколется о камни бытия,
Жестокой этой боли острота
Всего острее... —

говоря вам я.

ВЕРА

Тот, кто в умозаключеньях строг,
Скажет, что мое сужденье зыбко:
Дескать, это домысел, ошибка...
Но у мысли множество дорог,
И порою дерзкая догадка
К истине людей приводит кратко.

Устремляясь в северные страны,
Обгоняя за звездой звезду,
Через все моря и океаны
Мчится птица к своему гнезду.
Силою направлена врожденной,
Не собьется с верного пути...
«Все — инстинкт... — открыл народ
ученый.—
Так инстинкт велит себя вести...»

Знаю, знаю — человек не птица:
Сердцем он богаче и умом...
Все ж ему положено стремиться
К цели, что любовью мы зовем,
К той, что радости первопричина,
К той, одной-единственной, единой.

Если кто любовь свою найдет,
Значит, счастлив был его полет.
Если ж вдалеке, средь белой стыни,
Не видать живого огонька —
Сердце гаснет... Так в глухой пустыне
Иссякает, обмелев, река.

Страшно мчаться сквозь пургу и вьюгу
Над просторами большой земли!..
Как не потеряли мы друг друга,
Души друг для друга сберегли?!

Что она такое — эта сила,
Та, что нас обоих сохранила,
Вовремя направила в полет?..
Кто ее измерит полной мерой?
Как ее ученый назовет?
Может, не «инстинктом»?

Может, «верой»?

Близко ль время или далеко,
Хорошо ль живется в нем иль худо, —
Но всегда в игольное ушко
Вихрь пройдет величиной с верблюда:
В стороне любой, везде, всегда
Душу жжет и леденит беда.

И хоть правду говорят о том,
Что изменчивы века и страны, —
Все же есть в пространстве мировом
Край один — от века постоянный,
Край любви, где верят нам и ждут,
Где душа в беде найдет приют.

...Когда подумаешь, вся жизнь была,
Быть может, даже в детстве самом раннем
Всего лишь непрерывным ожиданьем
Той радости, которая плыла
Тебе навстречу из туманной дали...
О как ее глаза и сердце ждали!

И ожидание благословенно,
Ведь день грядущий будет непременно,
И сладко нам мечтать об этом дне!..

Но что сравнится с радостью свершенья,
Когда — через преграды и лишения —
К тебе въезжает Счастье на коне?!

ОБЛАЧКО

Дыханьем жизни облачко творилось,
Как марева трепещущая тень,
И неожиданно под ним сокрылось
Твое лицо, сиявшее, как день.

Не это ль облачко печалью жгучей
Все существо мое прошло насквозь,
Такой же тенью падая летучей
На счастье, что несмело родилось?

Иль ветры это облачко прогнали
Из тех времен, что были до меня,
Чтоб омрачить мгновением печали
Начало нашего с тобою дня?

В чью боль, в чей облик облачку такому
Внезапно воплотиться суждено?
И вправе ли я помешать былому
Вторгаться в то, что ныне нам дано?

Я тайн твоих разгадывать не смею,
Но облачко, возникшее вчера,
Пусть превратится волею моею
В твой образ, полный счастья и добра.

Небо синее внезапно почернело,
Надо мной ударил гром.
Вижу: молния, исполненная гнева,
Хлещет огненным ремнем.

Но опять блеснуло солнце надо мною,
Снова тихо в небесах...
Прав поэт, который небо голубое
Подсмотрел в твоих глазах.

Погляжу очарованным взглядом —
Две горы, две сестры будто рядом.
Что меж ними лежит?.. Пустяки!
Шаг один, мановенье руки!
А спроси человека бывалого —
Скажет: «Верст этак сотня без малого».

Вспомню взгляд твой — лучистый,
лукавый, —
И разлуки как не было, право!
И меж нами не море тоски —
Шаг один, мановенье руки!
А спроси человека бывалого —
Скажет: «Тысяча верст без малого».

Только наша калмыцкая флейта,
Наша лимба заплачет,
и вот
Вслед за музыкой грустной — за
ней-то! —
Образ дальней подруги встает.

Вижу: черные косы лоснисто
Колыхнулись вдоль стройной спины,
А в глазах — ни смешинки искристой:
И серьезные глаза, и грустны.

Сесть бы на спину ветру степному,
Поскакать бы на нем без седла
И примчаться к знакомому дому,
Чтобы двери она отперла...

Может, здесь, без свидетелей, снова
То, что мы потеряли, — найдем,
И исправим ошибки бывшего,
И счастливыми будем вдвоем.

В те дни, когда ты мне сказала «да»,
Новорожденному поверив счастью,
Я думал: это счастье — навсегда
И в жизни больше не бывать ненастью.

Неиссякающей любви моей
Не омрачат ни горечь, ни усталость,
И с юностью, с волненьем вешних дней
Вовеки не расстанусь я, казалось.

А небо, как на грех, заволокло,
И стала тяготить любая малость...
Дождь моросил, как будто нам назло,
И моросил он без конца, казалось.

Но следом — ливень загредел в ночи,
Жестокой бури прокатился скрежет...
...И через четверть века
 снова брезжут
Любви моей немеркнувшей лучи.

ПОРТРЕТ

Из времени тебя исторгнув,
Мгновение остановив,
Твои черты и твой порыв
Сумел запечатлеть фотограф.
И твой портрет ведет, как след,
К тебе, которой рядом нет.

Но где же, где же на портрете
Тепло дыханья твоего,
Где голос твой, чье колдовство
Преображает все на свете,
Где светлый жар сердечный твой,
Животворящий и живой?

Но то, чего нет на бумаге, —
Своей волшебною рукой
Художник сотворит другой.
Благодаря его отваге
Ты во плоти возникнешь вновь.
Художник тот — моя любовь.

О, как сияет вдохновенно
Твой взгляд, похожий на зарю!
И я с тобою говорю
Так нежно, просто, откровенно,
Как со своей землей степной —
С ее тюльпанами весной.

Из глаз твоих струится прелесть,
И светится твоя душа,
Как степь весной хороша,
Когда тюльпаны загорелись.
То я тебе велел: «Живи,
Творение моей любви!»

Ты не растаешь в легкой дымке,
Ты не исчезнешь с быстрым днем,
Ты в сердце ожила моем,
Пойми же — в сердце, не на снимке! —
И вижу я тебя одну,
Как только в сердце загляну.

8-е Марта

В детстве на поблекшей иллюстрации
Ныне позабытого журнала
Увидал впервые, может статься, я
Ту, что светоч над землей держала.
Излучая пламя золотое,
Женщина парила над землею.

Но теперь, когда полжизни кануло
И виски покрыты сединой,
Лишь теперь я осмыслю заново
Ту картинку, виденную мной,
Преклоняясь, постигаю суть
Женщины, что озаряет путь.

ЖЕНЩИНА

Мужчин сухой, рассудочный расчет,
Ошибки исключив и милосердье,
Он верным — будто бы! — путем ведет...
Но почему ж иные
 перед смертью
Вдруг понимают: цель была не та,
И позади зияет пустота?

А женщина?! О нежность! О сама
Причудливость, изменчивость, нить!..
Ты только сердцем делаешь открытья,
Являя этим глубину ума.
Порою ты, подвластная минуте,
Являешь красоту в бессмертной сути...

МОНОЛОГ БЛАГОДАРНОСТИ

Как часто я придумывал предлоги,
Чтоб видеть вас!.. А позже, на пути,
Весь разговор, и деловой и строгий,
Перебирал в уме, стремясь найти
Меж ваших слов сокрытый смысл, ту

малость,

Что мне — мне одному! — предназначалась.
Когда ваш голос — по два, по три дня! —
Не раздавался в трубке телефонной,
Как я бросался к трубке испуганно,
Как бесновался, сам себя браня!..
Брался за труд, и вновь бумаги в стол!
Решался все, все погубить, рискуя —
Пойду, скажу в открытую: «Тоскую!»
Сейчас пойду!..

И все-таки не шел.

Тоской о вас пронизан, словно током,
Бывало, я бродил у ваших окон,
Смотревших сверху мирно и светло.
И вглядывался жадно сквозь стекло
В глубь комнаты... За тонкой сеткой тюля
Ваш профиль я угадывал едва...
Какие я нашептывал слова!
Когда б вы услышали хоть одно,
То, верно, отворили бы окно,
И створки сердца, может, распахнули...

Но за стеклом вы были надо мной.
А я о вашем взгляде
жилкой каждой
Взывал... Так, верно, родич мой степной
Взывал о влаге, истомясь от жажды,
А небеса в величии своем
Не освежали благодным дождем.

...Нет, нет, вникая в строчек этих суть,
Прошу вас — не ищите в них упрека!..
Да разве можно солнце упрекнуть
За то, что светит на небе высоко?!
Кто обвинит звезду или зарю?!
Я не виню. Я вас благодарю.

Благодарю за все. Да, я постиг,
Что человек, себя всех выше ставя,
Не должен попираť мечты других,
Что себялюбец счастлив быть не вправе.
Лишь там любовь, где человек, любя,
Способен отрешиться от себя.

Спасибо вам! В горниле трудных дней
Себя и жизнь воспринял я иначе
И ваше счастье полюбил сильней,
Чем собственное счастье и удачу,
И в самоотречении открыл
Источник новой радости и сил!

Спасибо вам за то, что поутру
Смотрю на жизнь открытым, ясным взглядом,
Что радуюсь и свету, и добру,
Земле, где все же вы со мною рядом...
Да, время и пространство пролегло
Меж нами, как прозрачное стекло.

Я вижу искры милых ваших глаз,
Я полон вашим голосом зовущим,
И если счастье ждет меня в грядущем,
Я это счастье воплощу для вас.
Но и сейчас я, радуясь заранее,
Приемлю жизнь в любви и ликование!

И не страшны мне больше скорбь и смерть!
Как дар, все испытанья принимаю:
Небесная над головою твердь,
Упруга под ногами твердь земная!
И выше неба, и мощней земли
Любви моей немеркнувшее пламя...
Спасибо вам, что вы его зажгли!..
Да будет солнце навсегда над вами!

ДУША СЛОВА

ПУШКИН

— Да как же он, стремясь к великой цели
Во весь размах своих могучих крыл,
Вдруг предрассудку века уступил
И оборвал до срока на дуэли
Жизнь, важную для нас, для всех вокруг?.. —
Спросил меня поэт, мой юный друг.

И правда, ради пользы всей земли,
Искусства соблюдая интересы,
Не лучше ль было разрешить Дантесу
Пятнать прекрасный облик Натали,
Простить ему всю низость, все бесчестье
И пренебречь своею личной мезтью?..

А то еще и жалобу подать,
Упечь врага, ну... на пятнадцать суток,
А самому за этот промежуток
Стихи о чести начертать в тетрадь,
Чтобы нехватка жизненной отваги
Восполнилась хотя бы на бумаге...

Да, мудрый Пушкин видел их насквозь.
Он знал: ничтожны эти человечки,
Он изучил коварство их и злость,
И все ж пришел на берег Черной речки —
Сразить врага иль бездыханным пасть...
Так честь велела. Так велела страсть.

Он, как гривастый африканский лев,
Пустыню потрясавший громом рыка,
Был полон жаждой мщенья великой
И не пытался усмирить свой гнев.
Жандармы, царь, повадки их шакальи
Пред ним в едином образе предстали.

И мог ли он, в ком клокотала кровь,
Благоразумно сберечь свой гений,
Предать себя, предать свою любовь,
Чтоб удлинить собрание сочинений?
Чтоб к бронзе прирастить еще вершок,
От мщенья отказаться?.. Нет, не мог!

Да, он, поэт, велик и потому,
Что высшей совести и страсти цельной
Был верен неизменно, безраздельно,
И это не перечило уму,
Что он, премудрый, взрывчат был, как порох...
Вот почему тебе и мне он дорог!

Любовь его, как солнечный восход,
Воображенье согревает наше.
И тот, кто сомневается в Наташе,
Не сторону ль Дантеса он берет?..
Ведь Пушкин верил ей, идя к барьеру...
Кто смеет посягать на эту веру?..

...Мой юный друг, и я скорблю о том,
Что страшная свершилась катастрофа...
Хотел бы я, раскрыв любимый том,
Увидеть там нечитанные строфы
И знать, что Пушкин дожил до седины —
Счастливый муж, спокойный семьянин...

И все ж пред миром Пушкин не в долгу.
Суровым судьям я его не выдам!

Нет, гения винить я не могу,
Что он, земным подверженный обидам,
Метался и страдал куда сильней,
Чем ты да я, чем тьма других людей...

Он пал в борьбе с тупой, жестокой силой,
И смерть его — поверь! — прошла не зря:
Она для нас навек соединила
Чеканный ямб с бесстрашьем бунтаря, —
Затем, что мечены единой метой
Стихи поэта и судьба поэта.

БАХЧИСАРАЙ

... и друг степей калмык.
А. С. Пушкин

Передо мной земля Бахчисарая.
Навек застыли мраморные львы.
Спаستись от солнца знойного желая,
Сажусь я под навес густой листвы.

Куда от чувства деться мне живого,
Но странного: мне кажется сейчас,
Что я здесь был, сюда пришел я снова,
Хотя я знаю — здесь я в первый раз.

Не чудо ли, что вспомнить я желаю
Все то, чего не видел никогда,
И все же многое припоминаю,
Как собственные детские года.

Припоминаю: вот на той полянке
Сидел он, Пушкин, и писал о ней,
О грустной полонянке, о славянке,
Которой ненавистен был Гирей.

Чтоб соприродные душе морские
Услышать бури, он скакал в Гурзуф.
И волны, как грядущее России,
Текли к нему, пространство распахнув.

А вечером, в кругу друзей пируя,
Он сам шумел, как моря пенный вал,
И, пламя слов сверкающих даруя,
Столетиям песни дивные слагал.

Над стройкой солнце мрело
 еле-еле.

Рабочих жалил, обжигал мороз,
 Свирепствовал
 и с каждым часом рос,
 Так что сердца у всех оледенели,
 И людям думалось, что этот лед
 Теперь уже ничто не разобьет.

Но вдруг, теплом весенним
 обдавая,
 Пробилась, хлынула струя живая,
 Как ток, прошла через сердца
 насквозь,
 Вломала, растопив, оледененье...
 Вверху
 из репродуктора
 лилось:
 «Я помню чудное мгновенье...»

ПОЭТ

Когда в твоей груди, ища созвучия,
Бушует чувство, как волна, бурля,
Когда в словах мятется мысль кипучая,
Твои сухие губы шевеля;

И всей душою, музыкою взвихренной,
Ты ощущаешь вдохновенный жар,
И гений жизни с щедростью неслыханной
Тебе приносит новый образ в дар;

Когда с неистовым ты ищешь рвением
То вещество, что может запылать,
И дума стать готова откровением,
Чтоб радовать людей и волновать, —

Тогда бумагу, жаждущую истины,
Ты напои, ты жизнь в нее вдохни,
Найди эпитет и глагол единственный
И строки напряженные замкни.

Чтоб автор
за строкой набатной
следом

В Грядущее
перемахнул
рывком!..
Гремя, как колокол медноязыкий,
Ветрам эпохи
подставляя грудь,
Он в ранней юности ступил на путь
Служенья Революции Великой.

Борец всерьез —
а не фрондер салонный,
Тот, кто бунтует
лишь «от сих до сих», —
Всю страсть, всю нежность
он вложил в свой стих,

Всю боль,
что истерзала миллионы...
Он испытал ее...

По острым граням
Идя незащищенною душой,
Сам был изранен...
О, как был изранен —

Плечистый этот,
каменный,
большой!
Как жадно призывал он грозный год,
Когда жестоким
слезы отольются!

Раскатом оды
встретил он приход
Благословеннейшей из Революций.

Стал воплощением бодрости и гнева
Стремительный

зигзаг его строки...

В железном ритме:

«Левой! Левой! Левой!» —

На бой маршировали моряки...

Он бил врагов,

поодиночке, по сто,

Плакатом и частушкой фронтовой —

Апостол истины.

Работник РОСТА.

Могучий мастер.

И мастеровой.

И позже, в ненавистном быте роясь,

Подлиз и трусов

превращая в прах,

Он Революции служил за совесть,

А не за страх...

О, только не за страх!

Единой стати с ней,

единой крови,

Ее суровой правотою прав,

Он в ногу с ней,

с ее громадой вровень

Шагал,

ни разу не отстав.

И потому-то

был ему по силам

Труд,

что еще никем не превзойден:

На зависть криводушным и

бескрылым,

Из матерьяла Времени слепил он
Портрет Вождя
для всех других времен.

...Борец устал.

И неподвижно лег.
Но разве стих его
заглохнет немо!
Его последний труд —
не эпилог,
А «Первое вступление в поэму»!

Нет, Маяковский —
с жизнью. Он любим.

Его бессмертье —
на него похоже:

Он, год от году
становясь моложе,
Не растает с городом своим.

Не только книгами, как все поэты, —
Он в город врос,
вошел в его нутро,
Сменив обличье,
как товарищ Нетте, —
Стал площадью.
Стал станцией метро.

Стихи его
крушат, как прежде,
косность...

Когда сечет ракета
облака,

Скажи:

не Маяковского ль строка
Огнем и грохотом
взлетает в космос?!

Когда растёт
на улице московской
Дворец для молодежи заводской,
Не он ли,
не поэт ли Маяковский,
Фундамент дома заложил строкой!

Где жизнь — ключом,
где — буча боевая,
Перемешав
листки календаря,
Он входит к нам,
пласты времен взрывая.
И «как живой с живыми говоря».

ЧИТАЯ «ДЖАНГАР»

*С. Липкину —
переводчику «Джангара»*

«Джангар» калмыцкий читая —
Дедов бессмертную славу,
Дар, где могуществом гения,
Жизни постигшего суть,
Мудрость веков золотая
Впаяна в песен оправу, —
Тайну любого явления
Глубже стремлюсь почерпнуть,
Страсти познать рубежи, хитросплетенья, соблазны,
Что неизменно свежи, сказочно разнообразны.

Будто я долго бродил
В знойной пустыне бесплодной,
Но различил сквозь туман
Рощицу издалека
И, выбиваясь из сил,
К струйке рванулся холодной,
Пью, рассекая фонтан
Бьющего вверх родника,
Жажду тобой утоляю, «Джангар» наш вдохновенный,
Предков благословляю, кланяюсь им смиренно.

Вчитываюсь не спеша
В звонко-звучащее слово,
И приближаются дали,
Кони топочут и ржут,
Вновь осязает душа
Прикосновение былого.
Воины мудрые встали.
Прошлое вышло на суд.

Бумбы — блаженной страны — я созерцаю события,
Чую, что мы скреплены с ними связующей нитью.

Кто он — великий певец
Древнего нашего мира?
Где этих форм красоту
Отыскал его внутренний взор?
Скульптора смелый резец,
Чуткий чекан ювелира
Жизнь изваял на лету,
Вывел тончайший узор.
Кто умудрился вложить так свою мощь в песнопенье,
Что не могло не ожить дивное это творенье?

Если я речи веду
О поступи важной верблюда,
Топоте табунов,
Рокоте праведных битв,
О людях, презревших беду,
О жизни, похожей на чудо,
О звоне щитов и оков
И о высокой любви, —
Душу подняв до стремян, «Джангар» ее сделал
могучей.
Будто бы я обуян силой свободных созвучий.

«Если пролью богатырскую кровь свою, —
Обогатится земля глоточком одним.
Высохнут кости мои в богатырском краю, —
Обогатится горсточкой праха всего».
Эти ли строки не стали
Самым для нас дорогим?
В горе ль не утешали,
Смелым суля торжество?
Были они искони верно нашей опорой.
К счастью вели нас они через провалы и горы.

И потому-то сейчас,
Бумбы достигнув желанной,
Радость свободы изведав,
Чту я незримую нить,
Новому жадно учась,
«Джангар» храним неустанно;
Помним завет наших дедов —
На «твое» и «мое» не делить.
С братьями в дружбе живем, здание грядущего строя.
И, не скупясь, раздаем наше наследье святое.

В «Джангар» все глубже врываю —
В океан нашей древней славы.
Мудрости пью ароматы —
Радость, отвагу и грусть.
И когда я повторяю
С детства знакомые главы,
Те, что ребенком когда-то
Выучил наизусть,
Чудится: стал я высок, гладит мне волосы вечность.
Верится мне, что срок жизни моей — бесконечность.
«Джангар» калмыцкий читаю
Вновь — за страницей страницу
И проникает мне в поры,
Сделав железною плоть,
Сила всех предков моих...
Да, я народа частица,
Капля силы, которой
Смертью не побороть!
Чую, через меня, в нашем «сегодня» живущего,
Деянье нашего дня входит в просторы Грядущего.

СЛОВО К ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ СЛОВУ

Ты — нашей мысли плоть, живая сила,
Что прозорливо тайны осветила
Пространства,

 глубины

 и высоты,

Ты, Слово человеческое, ты
Опора наша, разума основа, —
К тебе, о Слово, обращаю слово!
Ты движешь человечество вперед,
Но ты живешь, пока оно живет!..

И если хочешь ты продлить полет
От звездной вышки—к новой светлой вышке,
Из памяти людской, как язву, выжги
Железом, выскобли за слогом слог,
Как доктора выскабливают рак,
Чтоб ни один не оставался знак,
Чтобы никто и помянуть не мог
Исчадь ада — с именем Война!..

О Слово, поспеши! Не то она
Тебя сотрет и волею растленной
Твой выжжет след из памяти Вселенной.

ДУША СЛОВА

Так много слов скопилось на земле!..
 Но в собственность
 ни деньгами, ни властью
 Не купишь слова, не запрешь в столе:
 Оно мирское достоянье, к счастью!

И сотни раз различные уста
 Одно и то же произносят слово,
 И на устах у каждого из ста
 Оно значение изменяет снова,

Иначе пахнет и звучит не так:
 То дерзко требует, то жалко просит,
 Послушно отражая свет и мрак
 Того, кто это слово произносит.

Оттенков множество в себе тая,
 Звучание не больше, чем одежда...
 У каждого из слов душа своя,
 На душу говорящего похожа.

ПОЭЗИЯ

Согласен: есть еще немало тем.
О чем писать — отыщем мы, умея.
Все может стать источником поэм.

Хотя бы воробьи... Они в аллее
Весну приветствуют наперебой.
Задорный щебет их срифмуй смелее!
Платок уютный, теплый, пуховой...
Простых узоров плавное струенье
Ложится в стройный ритм само собой.

А первый поцелуй?! Его горенье
И трепетность?! Ему ли не дано
Украсить лучшее стихотворенье?!

Согласен я... Все это правда. Но...
Но воробьи в десятках вариаций
Чирикают в стихах давным-давно.

Платок пушистый тоже, может статься,
Обогревает стих столетий пять
Иль более... Успел он примелькаться.

А первый поцелуй?! Не сосчитать
Который он!.. У каждого поэта
Читатель с ним встречается опять.

Все, все как есть — воспето-перепето.
И кажется, что не о чем писать.
И все же... Только кажется нам это!

ОБРАЩЕНИЕ К СЛОВАМ

Когда, летя издалека,
Вы, повинувшись тайным срокам,
Опять нахлынете потоком
На пожелтевшие слегка
Страницы чистые тетради,
Слова желанные, —

в тот миг

Поторопитесь, бога ради!
Спускайтесь!

Сами стройтесь в стих!

О, сколько дней — почти что год! —
Я тосковал без вас, не смея
Ускорить волею своею
Благословенный ваш прилет!
Я знал: вы мне — друзья, как прежде,
И жадно в воздухе ловил
Шуршанья, шелесты — в надежде,
Что это — взмахи ваших крыл.

Закон о том, что чувств подъем
Не поддается грубой силе, —
Нельзя, чтобы слова скрутили
И в строки втиснули с трудом! —
Постиг едва ль не с детства я
По первым трепетным созвучьям...
Я уваженью к вам обучен,
Жду вас безропотно, друзья!

И все ж вам прилетать пора!..
Тем, кто смятен, — зерно добра,
Кто истомлен, — живую воду,
А тем, кто угнетен, — свободу
Даруют мудрые слова!

Познав законы естества,
Сквозь воспарение нантий
И восхождение ума,
Слова-друзья, скорей летите!
Вас призывает жизнь сама!

Шумящие издалека,
Спешите легкокрылой стаей!
Звучи, мелодия простая!
Шуми, волшебная река,

С природою земной освойсь!
Как жизнь — отрадна и свежа —
Заполни, с временем дружа,
Страницы чистые, как совесть!

Огромный непроточный пруд
Был чист и светел в дни апреля,
Но с холодами загустели
На глади льдинки — там и тут...
Воде спастись не удалось:
Она промерзла вся насквозь.

А рядом, быстрая, живая,
И суетлива, и звонка,
Бежала струйка родника,
Укрывшись мхом, не отдавая
Морозу ни души, ни тела...
Не умирать она умела.

Когда отчизна далека,
 Ты вскоре постигаешь, мучась,
 Какая тягостная участь —
 Не знать чужого языка.
 «Зачем я в школе пренебрег
 Немецким и английским вместе? —
 Ты говоришь себе в упрек. —
 Вот — видишь! — грянуло возмездье!»
 За рубежом, между чужими,
 Нет-нет с тобой столкнется тот,
 Кому твое знакомо имя,
 Стихов известен перевод.
 И, встрече радуясь неожиданной,
 Он что-то говорит пространно
 И от тебя ответа ждет...
 А ты вздыхаешь виновато,
 Краснеешь («вот она — расплата!»),
 Ты тщетно напрягаешь слух.
 Увы! — Ты также слеп и глух,
 Каких ни прилагай стараний...
 И, уподобясь обезьяне,
 Прибегнешь ты (в который раз!)
 К подмоге жестов и гримас.
 Ты в сущности бессильней всех,
 И дети сдерживают смех,
 На жалкие потуги глядя,
 И про себя решают так:
 «Как непонятлив этот дядя!
 Не знает даже слов — бедняк!»

В глазах у взрослых грусть и жалость,
Душа твоя в молчанье сжалась,
Ты потускнел и как-то сник...
А твой язык, родной язык,
Тот, что тебе всего дороже,
На время обесценен, — схожий
С монетою — из тех монет,
Каким в стране хождения нет.
Хоть погибай от жажды лютой,
Не купишь на нее в стране
Глотка воды...

И лишь во сне
Она становится валютой,
Лишь ночью, втайне ты богат...

О слово!.. Драгоценный клад!
Отличие племени людского,
Созданье человека — слово!..
Теперь то познаешь сполна,
Как высока его цена!

Мне нынче друг во сне явился снова, —
Он тронул сердце и ушел назад.
Ушел... Но струны времени бывшего
Проснулись и почти уже звучат.

Я руку к сердцу приложил, подумал,
Кто там стучит? Не ты ли, песнь моя,
Рождаясь в мир, еще некрепким клювом
Стучишь из скорлупы небытия?

Чтоб ложь пронзить, искал я острый стих.
Он был на кончике пера как будто...
Но розу я увидел в ту минуту, —
И выпало перо из рук моих.

Друзья похвалят, не переча,
 Осудят недруги, сердясь,
 Зато с читателями встреча
 Чиста от злобы и прикрас.

Вопросов там наставят вдосталь —
 Прямолинейных и простых,
 Хотя, случается, непросто
 По чести отвечать на них.

Все вспомнят: кем ты был когда-то
 И в настоящем — кто таков...
 И мне
 читатель седоватый
 Признался без обиняков:

— Стихи у вас, скажу открыто, —
 Он молвил, глядя на меня, —
 Спокойны стали как-то, сыты...
 В них мало прежнего огня.

И вздрогнул я, беспокоясь.
 Не возражал ему ни в чем,
 Как будто
 дремлющую совесть
 Огрел он Истины бичом.

ЮНОМУ ПОЭТУ
(Дидактические стихи)

Взяв ручку и бумажный лист,
Не знай других оков.
Отважен будь и сердцем чист
И вникни в душу слов.

Не торопи строки, пока
Гармонией своей
Не зазвучит в тебе строка,
Тогда пиши скорей.

Рассудок с чувством соприаги,
Когда слагаешь стих,
И, словно от чумы, беги
От вывертов пустых.

Усвой разумно опыт тех,
Кто свет прошел и мрак:
Жить без корней — великий грех...
Но дальше сделай шаг.

Искусству поиски нужны
И новые тона.
Но помни: лишь из глубины
Родится новизна.

Высокий смысл отыщет сам
Единственный свой путь
К людским надеждам и сердцам,
Возвысив жизни суть.

По просьбе некого поэта
Я взял стихов его тетрадь
И стал с надеждою искать
Таланта свежего приметы.

Сперва порадовался очень:
Он славно формой овладел,
Язык его довольно точен,
Едва ль не каждый образ — смел.

Как будто бы он ценит слово...
Но вскоре мой восторг поблек:
От строк поэта молодого
Шел стариковский холодок.

Для доброго, живого чувства
В тетради места не нашлось.
От сердца — разве только злость,
Все остальное — от искусства.

Но даже лучшею подделкой
Не возместите солнца свет...
Бывал ли на земле поэт
С душой нелюбящей и мелкой?!

И я отбросил прочь невольно
Стихи без сердца, без любви,
Как будто кто-то очень больно
Надежды обманул мой.

Поэту, широко известному повсюду,
Читал стихи собрат, неведомый покуда.
Во все вникал старик, хваля или браня,
И под конец сказал: «Послушайте меня!
Пока не знают вас, — стихи читайте чаще!
Поэтам нужен суд суровый, настоящий,
Чтоб познавать себя и вглубь и вверх расти..
Когда ж, — старик вздохнул, — вы будете в чести,
Тогда ни всем другим, ни собственному глазу
Уже не отличить подделки от алмаза».

Суди о даре и судьбе
Знакомого поэта
Не по крикливой похвальбе:
Другая есть примета.
В душе, которая светла,
Талант цветет победно.
На ядовитой почве зла
Талант сгниет бесследно.

ВОЗРАСТ

КОГДА ЛЕНИНУ СТО ЛЕТ

Когда пятидесяти он достиг,
К нему с нелегкой кладью люди шли,
Все тяготы, все горести земли
Неся на спинах сгорбленных своих.

И тяготы, и горести страны
Со спин согбенных он снимал, любя,
И перекладывал их на себя,
На два плеча, что были так сильны.

И черный уголь всенародных бед
Могучею работою ума
Преображался в белый чистый свет,
Редела и рассеивалась тьма...

Он, Ленин, времени упрочил связь,
И стала явь грядущего видней.
Овеществилась мысль его, светясь
В деяньях и надеждах наших дней.

И вот теперь, когда ему сто лет, —
Все те, кто поднимает в вышину
Разбуженную гением страну,
Ему приносят радости побед.

ИМЯ

Спокон веков —
 привольна, широка —
 Она катила воды неизменно —
 Могучая российская река.

От имени ее простого «Лена»
 Иные люди брали в том краю —
 Случалось так! — фамилию свою
 И коротали век. И вместе с ними,
 Не вспыхнув, угасало это имя,

И лишь река струилась, как вчера...

Но срок настал, но подошла пора,
 И человек — по виду самый скромный —
 В название простое
 смысл огромный
 Сумел вложить.

И слово вдруг зажглось,
 И блеск его стал грозен, жгуч и ярок,
 Он имя озарил и преподнес
 Заждавшейся истории в подарок.

Все, что собирала втайне жизнь сама,
 По искрам человечество копило,
 Он превратил в пылающую силу
 Бесстрашного и щедрого ума.

Стремительным напором мысли новой
 Наполнил тугу оболочку слова,
 Вдохнул в него деянья — волны света,

И слово, точно полная планета —
Та, что энергией ума полна, —
Вверх поднялось, в неведомую сферу,
Надежду нашу превращая в веру,
Пространства пробудив и времена.

В том имени все чаянья слились,
И смысл его навеки драгоценен...
Дух человека поднимая ввысь,
Высоко в вечность взмыло имя «Ленин».

Весна... Мне кажется порой,
Что в это радостное время,
Что именно сейчас, весной,
Всех знаний созревает семя,

Что все открыты на земле —
Из будущего, из тумана —
Весенний луч, сверкнув во мгле,
Как будто высветил неожиданно,

И смысл, который в них сокрыт,
Он сделал силою могучей,
Той, что людей вперед стремится
И направляет к жизни лучшей.

В апрельский светлый день удач
На землю к нам явился гений,
Чей мощный разум был горяч,
Как животворный луч весенний.

Мы, люди, следуя лучу,
По лестнице многоступенной
Стремимся вверх...

И я шепчу:
— Весна, о будь благословенна!

Кто Правду с Кривдой смешивал в одно,
Лишь грубой силе безусловно веря,
Случалось, был прославлен в полной мере.
Таких имен немало в мире... Но,

Как только притуплялся меч в руках, —
Зловещих слухов поднималась заметь...
Тускнело имя. Рассыпалось в прах,
В народе черную оставив память.

Но тот, кто силой зоркого ума
От Кривды Правду очищал всечасно...
Такое имя тленью не подвластно,
И от него бежит в смятенье тьма.

Оно, как путеводная звезда,
Ведет через провалы, через горы.
И, людям став могучею опорой,
Сиянья не утратит никогда.

Пусть поколение за поколеньем
Сменяется, пусть сменится опять,
Чтоб ни случилось в мире, —
имя «Ленин»
Все так же будет к новой жизни звать.

Любуюсь ли отарой пышиорунной,
Одевшей степь, как белые буруны,

Смотрю ли, как степенная корова
Несет ребятам нашим смех здоровый,

И дети, как цветочки в детсаду,
Восходят, окруженные заботой,

Когда рабочих руки
на ходу,
Подобны лебедям, готовым к взлету,

За домом новый воздвигают дом;
Когда гляжу, как по путям бетонным

Машины, нагруженные добром,
Снуют, несутся к городам, хотонам,

Когда мои собратья по перу
С талантом учат правде и добру,

Мне часто кажется, что, жизнью правя,
Явлений этих направляет ход

Владимир Ленин, —

тот, кто в полной славе

В душе у каждого из нас живет.

МОСКВА

Любовь народа моего
Привез я братьям — сотням тысяч.
Но как постичь мне волшебство?
Где слово?.. Как найти его,
Чтоб в каждом сердце искру высечь
И наше подтвердить родство?..

Где то единственное слово,
В котором благодарность, честь,
И братства нашего основы,
И о грядущем счастья весть?..
В богатствах языка земного
Такое слово есть ли?

Есть!

В уме забрезжило едва,
Высоким смыслом засверкало,
Нагрело чувства до накала,
Другие оттеснив слова..
И людям я сказал:

— Москва!

МОСКВЕ

Едва,
 к земле спускаясь косо,
Я через круглое стекло
Завижу золотые косы
Огней, струящихся светло,

Иль только у вокзала поезд
Почтительно замедлит шаг, —
И, радостно забеспокоясь,
Заслышу гул на площадях, —

Я вновь пойму, что ты — окрест!..
Привычных мыслей ход наруша,
Москва, ты в каждый мой приезд
По-новому волнуешь душу!

Для всех умеющих мечтать
Не ты ль, Москва, собой явила
Желаний сокровенных силу,
Надежд заветных благодать?!

НАЧАЛО ДНЯ

В тот миг, когда, глаза открыв с утра,
Отбросишь сон и оттолкнешь «вчера», —
Рассветный мир в своем простом обличье,
С веселой, частой болтовнею птичьей
В тебя ворвется, пробуждая вдруг...
Ты — дивно легок. Ты — как все вокруг —
Наполнен солнцем, свежестью, бесстрашьем...
И теплым золотом твой дом окрашен.

А день-младенец расправляет грудь
И устремляет вверх ростки живые,
И ты — ты вместе с ним! — как бы впервые
По-новому свой начинаешь путь
И первый шаг свершаешь налегке,
Так, словно все твои былые годы
Лежат еще перед тобой — в клубке,
Не развернувшись... Воздухом свободы
Ты сладко дышишь, ты ушел от уз
Вчерашнего, досадный сбросил груз...
Ты пьян от будоражающего света.
Сейчас ты волен не давать ответа
За все, что отошло с туманным сном...

Ты — так прозрачно-чист!.. Ты — невесом,
Не в прошлом ты, и ты — не в настоящем.
Ты — в мире, лишь тебе принадлежащем,
В твоей руке — ключи от всех замков
Грядущего, где столько ожиданий,
Что сбудутся вот-вот... Ты рад заране
И удивляться им уже готов!..
Ты на земле сейчас — без посторонних...

А солнце льет волной на подоконник
Дневных видений радужный каскад,
И ты предчувствием чудес объят —
Трепещущих, сияющих и прочных...

А утро тихо обещает:

— Жди!

Неиссякаем радости источник,
И счастье — неизменно впереди!

С. Я. Маршаку

Никто не помнит
Своего рожденья.
Никто не вспомнит
Свой последний час.
Два рубежа,
 две грани,
 два мгновенья
Неведомы ни одному из нас.
И все пространство, весь кипучий бег
Ночей и дней меж рубежами теми,
Все, что философ именует «время»,
Что жизнью называет человек, —
Ничем не пресекается оно.
Оно в сознанье нашем — бесконечно.
И человеку смертному дано
Жить на земле, не зная смерти, вечно.
Другому жизнь дарит он в свой черед.
Другого, плача, одевает в саван...
Сам человек не умирает... Сам он
Только живет.

Насыщен воздух влагою ночью,
Лицо и плечи омывает свежесть.
Под чистым небом я лежу и нежусь,
Лежу и наслаждаюсь тишиною.

Далеко где-то тявкают собаки,
И лаять им не хочется, похоже,
Лучатся звезды трепетно во мраке,
Знакомые, таинственные все же...

И мысль моя с ночным непостоянством
И там и здесь — почти одновременно,
По временам блуждает, по пространствам,
По темной улице, по всей Вселенной..

И это все: прозрачная прохлада,
Надежды, достиженья, неудачи,
И звезд кружащиеся мириады,
И тишина, и даже лай собачий,

Грядущее, виденья наяву —
Слились в одно, став жизненной разгадкой,
Покалывая искорками сладкой
Неохватимой мысли: «Я живу».

МЫСЛЬ И ВРЕМЯ

В прошедшем растворяясь на бегу,
Ты, Время, мне виски посеребрило,
Но, не старея, Мысль кипит в мозгу
С волшебной, той же благодатной силой.

Захочет — может в прошлое вести,
В грядущее, в далекий мир Вселенной...
Куда тебе, о Время! нет пути,
Она меня перенесет мгновенно.

Всесильна Мысль: и горечь подсластит,
И облегчит печали тяжкой бремя,
И мудростью своей предотвратит
Твои невольные ошибки, Время!

Ты в поединке с ней — побеждено,
Исход борьбы тебе заранее ведом:
Ты, Время, лишь туда приходишь следом,
Где побывала Мысль уже давно.

ЗЕРНО

Когда сравнишь ты с золотом зерно,
Смотри, чтоб не обиделось оно!

А что такое золото?

Металл...

Зато зерно — начало всех начал!

Скажи мне, с чем зерна сравнишь ты
цвет?

Знай, что сравним с ним

Только солнца свет!

Хоть точность есть в сравнении таком —

Внимательно подумай о другом:

Лишь цвет от солнца зерна обрели,

А внутренняя суть их — от земли!

Но, этот вывод сделав, не спеши —

Заслугу всю земле не припиши.

Зерно мертво до той поры, пока

Его не тронет теплая рука.

Но и тогда, хлеба возрадив,

Она

До дна не исчерпает суть зерна:

Рука творит деянья не сама,

Она — слуга желаний и ума...

С начала дней суть хлебного зерна,
Как истина, проста, как жизнь, сложна!

РЕЛЬСЫ

Побежали по ровной низине,
Изогнулись слегка на мосту...
Где конец этих сдвоенных линий,
Этих рельс, что пришли в Элисту?

Моему повинуюсь желанью,
Мысль несется за рельсами вслед
Через климаты и расстоянья,
Зимы, весны, закат и рассвет.

И я вижу —
 степные просторы
Паутиной путей сведены
С той далекой чертой,
 за которой
Слышен гул океанской волны.

Случалось мне старцев калмыков
Не раз и не два изучать,
Но тщетно на бронзе их ликов
Искал я былого печать.

Ничто не пробилось наружу,
Молчат письма их морщин...
Что видели— спрятали в душу
С достоинством истых мужчин.

Сквозь муки, сквозь голод и жажду
Прошли и не кляли судьбы.
В сражениях были отважны,
Не зная пустой похвальбы.

Награды свои и невзгоды
Они принимали равно.
Характер степного народа
Надежно хранить им дано.

РАЗДУМЬЕ

Над степью снег кружится, хлопья множа,
Он, словно врач, хлопочет над больной.
И трещинки на обгорелой коже,
Как ватой, покрывает белизной.

Кружится снег по всем степным дорогам,
И в лад ему, в таком же ритме строгом,
Я поневоле думаю о многом...

...Мы все считали (времени примета!),
Что зло стихийных сил побеждено.

Но если б, если нынешнее лето
В Калмыкию пришло давным-давно,

Когда бы раскаленная, нагая —
Не нынче летом, а в былые дни! —
Стонала степь, жестоко обжигая
Верблюдов мягкие ступни,

Когда б страдала так же нестерпимо
Без дуновенья ветра, без питья,
Тогда бы вряд ли увидала зиму
Ты, милая Калмыкия моя!

Живут в преданьях
дней минувших беды,
Рассказ о лихолетии земли,
Когда сгорело все...

И наши деды
Иль погибали, иль с сумою шли.

А нынче ты — не жертва Хан-Эрдика,
Тебя владыка смерти не настиг.

Ты — под охраной Родины великой,
И братьев, и сестер твоих.

Окружена заботой и любовью,
Ты одолела бури и жару,
И вот — в расцвете силы и здоровья
У матери ты нынче на пиру.

И ты, как все ее другие дети,
Несешь ей лучшие дары свои,
Справляя с ней пятидесятилетье
Большой, родной твоей семьи.

Смогла ты — не впервые! — убедиться,
Что поговорки не стареют век.

Народ изрек:

«Сильна крылами птица,
Силен друзьями человек».

Пословицы старинной не наруша,
Ты славись благо братства...

С высоты

Слетает снег. И наполняет душу
Всею свежестью искристой чистоты.

Дела, гремевшие в веках,
Не сгнули безвестно,
Не превратились в тусклый прах,
Не погрузились в бездну.

Что было позади, до нас,
Не стало пустотою,
Но в нас, живых, живет сейчас,
В душевном нашем строе.

Событья — те, что впереди, —
Уже сейчас на свете,
Они растут у нас в груди,
Они — как наши дети.

В нас всех — Грядущего зерно:
Нет почвы плодородней!..
«Вчера» и «Завтра» сплетено
Одним узлом в «Сегодня».

Но если только с нашим днем
Стрясется что-то злое —
Грядущее погибнет в нем,
Рассыпется Былое...

О Разум! Ты ведь не погас!
Не дай беде свершиться!
Детей и предков — тех, что в нас, —
Храни от рук убийцы!

КИПУЧИЙ МИР ТЕБЯ ЗОВЕТ

Чем старше делаешься ты,
Тем жизнь становится желанней,
Являя радость пестроты
Своих многообразных граней.

Кипучий мир тебя зовет,
Влечет к себе неодолимо,
Он возраст не берет в расчет,
Не хочет, чтоб прошел ты мимо.

Потоком жизненным влеком, —
Бежишь, бредешь ли еле-еле,
Мальчишкою иль стариком —
Ты все равно стремишься к цели.

Задуманное — свершено.
Но ты недолго этим занят.
Ты на минуту счастлив, но
Другая цель зовет и манит,

А эта — новую зажгла,
Забрасывая искры в дали...
Огням высоким нет числа:
Как маяки над миром встали.

Предельной цели в жизни нет,
Как нет последнего желанья,
И с прекращением дыханья
Лишь ближней цели
гаснет свет.

Одолевая неудачи,
Упрямо двигайся вперед,
От всех свою усталость пряча,
К той цели, что тебя зовет.

Пусть даже велика помеха, —
Не жалуйся, собой владей!..
Не льстись на блески лжеуспеха,
Но верь в себя.

И верь в людей.

И, пред собой и миром прав,
Ты все ж достигнешь цели трудной,
Той, что мелодиею чудной
Тебя звала,
тебя избрав.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Возвысив честь страны родной,
Подвинув жизнь вперед,
На свой заслуженный покой
Уходит Старый год!

Бокалы доверху нальем
Искрящимся вином.
Ну, Старый год, прощай-прости!
Счастливого пути!

Преемник твой — не за горой...
Нальем бокал второй.
Итак, друзья!.. За счастье всех!
За радость без помех!

Чтоб в этот год мечта сбылась
У каждого из нас!
Чтоб тот, кого томит недуг,
Здоровым встал бы вдруг!

Пусть будут старики бодрей,
Мудрее — молодежь!
Пусть будет урожай полей
Невиданно хорош!

Пускай коровушки удой
Подарят нам двойной!
Пускай овечки в этот год
Дадут двойной приплод!

Провозглашаю главный тост —
Понятен он и прост:
Пусть будет на Земле светло,
Пускай погибнет Зло!

Сольем с курантами Кремля
Бокалов наших звон!..
За мир!.. Да отдохнет Земля
От всех лихих времен!

Пускай с планеты в этот год
Навек уйдет война!..
За Новый год!
Двенадцать бьет.

Осушим все до дна!

На землю нынче

мягко, споро

Ложится пуховой настил.

Снег долгожданный все просторы

Сегодня щедро побелил.

Сугробы он возвел. До ночи

То сыпал, то валил валом...

Тяжеле стали и короче

Деревья, и забор, и дом...

...Вот так — во всем великолепии,

Снега,

лежите до тепла,

Чтоб жажда пересохшей степи —

Молю! — утолена была!

Друг, перед бурей глаза не жмурь!
Мало ль мы знали бурь?
Мало ли встреч с исчадьями тьмы,
Братья, вынесли мы?!

Знаю, ты помнишь: отважный прав
И победит в бою.
Вызов сильнейшего честно приняв,
Множишь силу свою.

ДАЛЬНИЕ СИГНАЛЫ

Силами загадочными полный,
В радости большой, в большой беде —
Излучает мозг радиоволны,
Посылая от звезды к звезде
Токи мрака или волны света...
В некой книге я читал про это.

Да и вы, наверно, замечали:
Сердце

 то сжимается в печали,
Ни с того и ни с сего упав,
То развеселится без причины,
Тоже не по нашему почину...
Может статься, автор книги прав?..

Может, кто-нибудь в беду попал,
Подает он бедствия сигнал,
И его на звездах слышат тут же.
У кого-то радости рассвет,
И ответ спешит со всех планет,
Вместе с ним ликуют наши души...

Может, автор — фантазер, чужак?
Все же я хочу, чтоб было так.
Я мечтаю о реальном чуде —
Чтобы излучали счастье

 люди,
Чтобы чье-то горе, словно «SOS!»,
В каждом сердце болью отдалось.

Отсвечивая блеском лака,
 Склонила скрипка тонкий гриф.
 Пока молчит она, однако
 Мелодий столько затаив,
 Что будоражащей их силы
 На весь бы шар земной хватило!

А рядом, неказист и прост,
 Лежит смычок... Но, сбоку глянув,
 Я вдруг увидел конский хвост
 И скачку сказочных титанов,
 Несущихся во весь разлет, —
 Как скрипка, воздух вслед поет...

...Я думал о твоей судьбе,
 О скрипка, музыки царица!
 Что б ни случилось, но тебе
 С твоим смычком не разлучиться.
 Ты от него отделена,
 И все ж душа у вас одна.

Твой клад в тебе глубоко скрыт,
 Богатство бархатных созвучий
 Тогда лишь дивно зазвучит,
 Когда струны твоей певучей
 Смычок коснется хоть едва,
 Ты без него мертвым-мертва.
 И если вникнуть, все мы, все мы
 Без близких душ — мертвы и немы.

И радость, и потоки слез
В мир прорываются лавиной,
Когда нас сводит воедино
Жизнь — гениальный виртуоз.

Не признавая никаких препоп,
Струится музыка — во всех, над всеми...
И мысль моя,
 спеша за ней вдогон,
Летит через пространства, через время...

В Грядущее мы перенесены.
Корабль жизни здесь плывет иначе:
Не ветром паруса его полны,
Но силой разума — всеющей, зрячей...

Теперь язык по-новому красив,
Сменились словари — все, без изъятья.
Ввели потомки, в буквах закрепив,
Пока неведомые нам понятия.

А наши устарелые слова?..
Одни умчало времени течение,
Другие, форму сохранив едва,
Переменили краски и значение.

...Но ты, но ты, пройдя через года,
Ты, музыка, не знающая слова,
В Грядущем сохраняешь навсегда
Печали и стремления Былого.

Мой юный друг,
 ценя героя,
 Того, кто честен и умен,
 Кто шел дорогою прямою,
 Не убоявшись тьмы препоп,

За все воздав ему по чести,
 В делах беря пример с него,
 Не унижай потоком лести,
 Не чти его, как божество!

Самоотверженный в работе,
 Послушный голосу мечты,
 Он той же крови, той же плоти,
 Такой же человек, как ты.

В борьбе не отступив ни шагу,
 Как я, как ты, он был раним.
 Явив терпенье и отвагу,
 И ты сравняться можешь с ним.

Поверь, лишь тот, чей разум хилый,
 Чей тусклый близорукий глаз
 Не разглядел могучей силы,
 Таящейся в любом из нас,

Кто, гладкую избрав дорогу,
 Провалов — и высот! — избег, —
 Кадит герою, словно богу,
 Пороча званье — Человек!

СОЛНЦЕ ЖИВОГО ЛИЦА

«Жизнь дается лишь однажды.
На земле бессмертья нет!» —
Сокрушался чуть не каждый
Песнопевец иль поэт.

О земном тоскуя рае,
Призывал он светлый век,
Чтобы жил, не умирая,
Не старея —
Человек.

И, наверно, на планете,
Хоть пройди ее насквозь,
Никого бы не нашлось,
Кто бы упования эти
Не хотел бы разделить...
Лишь безумец, может быть...

Но хотя лицо и тело
Живы — краткие года —
Лишь до скорого предела,
Чтобы сгннуть навсегда,
Счастью все же нет конца,
Благодарности конца нет, —
Только предо мной предстанет
Солнце доброго лица.

Миг, когда лицо живое
Воссияет предо мною.

Этот миг
И впрямь велик,
Равен вечности ценою.

Потому и сердце радо.
Жизнь короткую свою
Принимаю, как награду,
Миру славу воздаю,
И за все благодаянья
Шлю природе пожеланья:
Чтоб она могла цвести
Лучезарно и счастливо,
Чтоб
 по белому пути
Шла без черного обрыва!

ДРУЗЬЯМ ДЕТСТВА

Друзья далеких детских дней!
Сжимаю вас в объятьях,
Держу вас в памяти своей
Все годы... Что считать их?!

Смотрю на милые черты
Сквозь влагу слез невольных
И по кварталам Элисты
Опять брожу, как школьник.

Тут встретил мой влюбленный взор
Девчонки взгляд лукавый...
А сколько лет прошло с тех пор,
Считать не нужно, право!

Со счету сбиться мудрено ль?
Мы все немного седы.
Видать, набилась в кудри соль...
Те — бабки, эти — деды...

А третьи где?.. Прошла война
Чредою бед, насилий...
Остались только имена.
Где те, что их носили?

А долго ль нам на свете жить,
Коль вдуматься глубоко?..
Но что о возрасте тужить?
Не вижу в этом прока!

Друзья! Вы — Родины тепло.
Вы с ней — неразделимы.
Что б Время нам ни принесло,
За все благодарим мы.

За мудрость и за благодать,
За счастье, за тревогу...
А годы?! Что нам их считать?..
Живем, и слава богу!

Неуловимы памяти законы,
И человеку трудно их постичь.
К могучей яблоне, слегка склоненной,
Я подошел, чтоб ветки ей подстричь,
С большими ножницами наготове...
Взглянул... И тут же замер, обомлев.
И сердце облилось внезапно кровью...
Вдруг вспомнил я одно из тех дерев,
То самое, то, что давным-давно,
В те времена, в разгар жестокий боя,
Спасло мне жизнь, прикрыв меня собою,
До сердцевины пулей пронзено.
И разом изменилось все вокруг:
Гремят орудья. Жаркий бой идет...
И вижу: резко наклонясь вперед,
На землю падает мой лучший друг...
Все видится — как будто наяву:
Убитые, дымки разрывов... Поле...

И я невольно застонал от боли,
Роняя ножницы в траву.

Ребята, не пришедшие с войны,
Живыми посещают наши сны.

Родимых братьев мне они — родней,
Так много провели мы славных дней!..

Уроки мы учили сообща.
При имени девичьем трепеща,
Влюбленные, мечтали в должный срок,
И первый жизненный прошли урок.

Товарищей, погибших на войне,
Всегда живыми вижу я во сне.

Когда ж, по знаку вспыхнувшей зари,
Внезапно в клочья разлетится сон,
Мне все же шепчет кто-то изнутри:
— Мы здесь, дружище!.. Нами ты силен...

К тебе мы будем приходить и впредь... —
Они — со мной, друзья далеких дней!
Пока я жив, кто может их стереть
Из разума ли, из души моей?..

Любой из мертвых — жив и невредим,
Пока мы в памяти его храним.

ЗЕРНО И КОСМОС

Зерно взрывается в земле,
Как бы себя уничтожая,
И повторяется в стебле,
Как бы себя приумножая.

Но повторяется ль оно,
Не изменяясь в вечной смене,
Иль изменяется зерно
В круговороте возрождений?

Смотри: являясь в нашу новь,
Оно по-новому чарует
И людям новую любовь
И радость новую дарует.

Пусть жизнь прошедшая зерна
Не умерла и не забыта, —
Ему, расцветшему, дана
Иная, высшая орбита.

Зерно свершает свой полет —
Им, зернам, надо стать мирами,
Преображаясь в цвет и плод.
Как бы по заданной программе.

Я знаю: мир в конце концов
Поблек бы, если б зерна эти
Не изменялись и отцов
Всего лишь повторяли дети.

Зерно, что в почве возвращено,
Окрепнув, солнца жар воспримет,
И крышу космоса оно,
Преобразившись, приподнимет.

Искусству различать заране,
 Предвидеть, ощущать в тумане —
 Что ожидает впереди,
 Уменью вникнуть в каждый случай —
 Учитель даже самый лучший
 Не сможет научить, не жди!

Никто перед тобой любовно
 Не проторит тропинки ровной,
 Чтоб шагу ты не сделал зря,
 Никто тебя под локоточек
 Не поведет меж ям и кочек, —
 Такого нет поводыря!

Когда б мудрейший из мудрейших,
 Когда б добрейший из добрейших,
 Когда б светило из светил,
 Исполнен лучшего желанья,
 Весь опыт свой, свои познанья
 В тебя до капли перелил, —

Ты все ж не воспитал бы душу,
 Впитал бы опыт, но минувший,
 Учителя усвоил взгляд...
 Чужие знанья — лишь начало,
 И значит в жизни очень мало
 Кто опытом чужим богат.

Нет, семя нового посева
 Родится из любви и гнева!

Лишь то, что в трудной смене лет
Тобой глубоко пережито, —
Даст людям золотое житѣ,
Не сорняки, не пустоцвет!

ДОБРО И ЗЛО

Не следует того благодарить,
Кто по ошибке совершил добро,
Хотя он зло задумал сотворить.
Не следует с проклятием бранить
Того, кто по ошибке сделал зло,
Хотя мечтал добро распространить.

Когда лютует злой мороз
С метелицей — сестрою, —
Считаем пору летних гроз
Чудесною порою.

Когда томит июльский зной
И от жары чуть дышим,
Январь с пургою ледяной
Прельщает счастьем высшим.

А упонительные дни
Меж холодом и жаром —
Проходят мимо нас они,
Мы их теряем даром...

Ценить лишь то, что не дано,
Нам суждено рождением,
И роком определено:
«Что есть, того не ценим».

СКОНЧАЛСЯ МОЙ ДРУГ

Скончался мой друг. Но лишь тело
Исчезло, как рябь на воде,
Лишь куртка его опустела,
Обвиснув на ржавом гвозде.

Лишь речи затихли, хоть мало
Тревожили воздух они,
Земля же просторнее стала
Всего только на две ступни.

Но как велико его место
Во мне! Это знаю лишь я,
Как сердцу безвыходно, тесно,
Как сдавлена память моя!

ДРУГУ

Твои слова я выслушал сполна,
Тебе поверив сердцем безоглядно,
Не упустил и малого зерна,
Все, все вобрал своей душою жадной...

По всем изгибам жизненных дорог
С тобою вместе путь проделал снова,
То, что ты словом выразить не мог, —
Уразумел, почувствовав без слова.

И все, что подсказала жизнь сама,
Что значилось в твоём глубоком взгляде,
Я тут же взвесил на весах ума,
Как драгоценный взвешивают радий.

Он стал моим, душевный опыт твой,
В трудах и испытаниях добытый...
Да будет он — как щит над головой —
От бед слепых надёжною защитой.

К СОЛНЦУ

И пусть, подобно прочим тканям,
Износится живая ткань,
И все мы в неизвестность канем,
Перешагнув земную грань, —

Пока живу, пока могу я, —
Смотрю на солнечный восход,
И предо мной, как я, ликуя,
Мир оживленный предстает.

Все тело оmyвает свежесть...
Встречая раннюю зарю,
Я вместе с нею миром тешусь
И «Здравствуй, солнце!» говорю.

И, право, большего не надо,
Чтоб горечь дней, любой удел
Я принимал бы, как награду,
И ни о чем не пожалел!

Дари, о солнце, мне алмазы!
Спеши, не пропускай ни дня!
Ведь после смерти
ты ни разу
Всходить не будешь для меня!

ДАЛЕКОЕ

Я. Джамбинову

Смотрю в былое не спеша.
Низина... За колодцем старым
Два мальчугана-крепыша
«Хала-бала» бормочут с жаром.

Поди пойми со стороны:
«Хала-бала» — что значит это?
В таком созвучье смысла нету!
Но пастушки убеждены,
Что бормотанье их чудное,
Конечно, русские слова!

Телята, ошалев от зноя,
Хвостами шевелят едва.
Свинья в болоте разлеглась,
Тяжелой громоздится тушей,
Сопит, не поднимая глаз
На поросят, лежащих тут же.

Картина зыблется живая...
В лицо мальчонки-пастушка
Смотрю, себя не узнавая,
Как будто бы издалека,
Как будто со звезды другой...
Неужто впрямь я был такой?!

А память вновь берет разбег,
Перелетая через годы.
Война. Лишения. Походы.

Двадцатилетний человек.
С двадцатилетними друзьями
Шагает через дым и пламя.
Вот он сражается в боях,
Боясь, не проявить бы страх
Там, где всему живому страшно...
Он — а вернее, я — тогдашний —
Не бережет огонь души...
А я сегодняшний —
отсюда
Шепчу, как старший
— Будет худо!
Постой! Обдумай... Не спеши!

От гибели, нависшей грозно,
Друзей моих спасти хочу:
— Постойте!.. Не спешите!.. —
Поздно!
Ведь это мертвым я кричу!

Не изменить воспоминаний:
С тетрадкой общею в кармане
Он — то есть я! —
спешит туда,
Где, притаившись, ждет беда.
Но в свете прожитого дня
Ошибки нет в его ошибке.
Неосторожный и негибкий,
Он лучше мудрого меня!..

И снова, как в немом кино, —
За кадром кадры, дни, события...
Мелькает время пестрой нитью
И ткет пространства полотно.

Долины, пади и бугры
Растут, встают несокрушимо
И разделяют две вершины
Единой некогда горы.

На дальней — свежей и зеленой —
Деревья молодо шумят,
Все выше поднимая кроны,
Грядущее узнать хотят,
А на вершине ближней — здешней —
Лес, поседев от непогод,
Притих в раздумьях и неспешно
Минувшее к себе зовет.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ
ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

М. Дудину

Неотвратимый,
 как пожар степной,
Что, набегая огненной волной,
Мятеся, землю превращает в пекло
И оставляет только груды пепла,
Опустошавший мир

 повальный мор
Не угрожает нам с недавних пор:
Губительную силу эпидемий
Наука одолела в наше время.

И та, чью чашу пили мы до дна,
Проклятье человечества — война,
Чей лязг — бездушен и чей дух — тлетворен,
Та, что пыталась жизнь скосить под корень
Косою, накаленной добела, —
Теперь от нас далеко отошла,
Багровыми пылает языками
Лишь кое-где — местами, островками...

И — веком сотворенная двадцатым —
Носительница тысячи смерчей,
В чью оболочку расщепленный атом
Вдохнул всю ярость бедствий и смертей,
Та бомба, что жаднее прочих бомб,
Пока над миром

 не плывет грибом,
Пока еще не потрясает сводов,
Обузданная волею народов.

И все же, мудрые мои друзья,
Пускай на протяжении бытия
Мы не услышим вновь грозы военной,
Не станем жертвой оспы иль чумы,
Однако же и в мирном мире мы
Не избежим гибели и тлена.

Случается порой обычный грипп,
Что к человеку ни с чего прилип,
Приводит к смерти, медленно замучив,
Иль непредвиденный несчастный случай,
Всем чаяньям и планам вопреки,
Вдруг череп раздробит на черепки...

У каждого — будь мал или велик —
Жизнь все же оборвется в некой точке.
Калмыцкий ангел смерти — Хан-Эрлик —
Теперь хватает нас поодиночке,
Перехитрить его нам не дано,
А для покойника не все ль равно —
Откуда ненавистный призрак вырос,
Что погубило: бомба или вирус?!

И вот, премудрые мои друзья,
С вопросами к вам обращаюсь я:
Что это значит? Что оно такое —
«Разлука вечная», «уход», «конец»?..

Неужто мироздания венец,
Расставшись с этим краем непокая,
Сладчайших наслаждений, горьких слез,
В который всеми клетками он врос, —
И впрямь уходит, выпадает разом,
Лишь потому, что стал невидим глазом
И все его стремленья, все дела
Без промедленья поглощает мгла?!

Неужто мы — единой цепи звенья,
Мы — люди, мы, что в разуме своем
Веков давно прошедших накопленья
И семена грядущего несем,
Бесплодно затеряемся во мраке,
Совсем, как наши овцы и собаки,
Исчезнем бѣз вести в тумане лет?!
А мысль — ценнейшая из всех материй?..
Неужто и она, за нами вслед,
Погаснет иль рассеется?..

Не верю!

Здесь что-нибудь не так!.. Не верю! Нет!

Нет!

Все, что создали мы в дороге,
Не только вещь, картина или стих,
Но лучших наших помыслов итоги,
Восторги все, и боли, и тревоги.
Незримо остаются средь живых
И с ними движутся вперед... И это —
Всечеловеческая эстафета.

...И все же мертвые лежат в могилах,
Любимых дел ВЧЕРА не довершив,
Оставив тем их, кто СЕГОДНЯ жив.
И потому,

пока еще мы в силах,
Должны мы, в ЗАВТРА направляя шаг,
Стремиться стать полезней, благородней,
Для этого дается нам СЕГОДНЯ —
Источник счастья, высшее из благ,

Неутомимо, в пламенном усердьѣ
И ты, и я, со всеми наравне,
В сегодняшнем быстротекущем дне
Творим и наше ЗАВТРА, и БЕССМЕРТЬЕ!

О ШАМАНЕ

Ю. Шесталову

Прочитал я твой стих, посвященный
Заблуждениям дедов твоих,
И мансийский шаман изможденный,
Как живой, предо мною возник.

...Блещут стрелы сполохов угрюмо.
Почему не светлеет вокруг?
Почему в прокопченные чумы
За недугом приходит недуг?

Видит глаз воспаленно-тревожный:
Мир — коварному зверю под стать.
Если б истину было возможно,
Словно белку, стрелою достать!..

И шаман в иступленье кружится,
Псы примолкли у пляшущих ног,
А в душе у больного мансийца
Расцветает надежды цветок.

У меня же, Юван, у меня же,
Говорю я тебе, не таясь,
Боль и жалость, сочувствие даже
Тот шаман возбуждает сейчас...

Да всегда ли бывал он преступен
В час, когда колотил себя в грудь?
Ударяя в неистовый бубен,
Он всегда ли хотел обмануть?

может статься, жалел он больного,
Может быть, человека любя,
В дикой пляске он снова и снова
Утверждал свою веру в себя?

Нашим знанием не умудренный,
Может статься, он понял одно:
Что желанье не знает препоны,
Если в страсть превратилось оно.

Может быть, доходя до накала
И больного желая спасти,
Очищался он мало-помалу
От всего, что налипло в пути?

Может, к делу святому готовясь,
Чтобы дух был высок и упруг,
Добела отмывал свою совесть
Так, как руки моет хирург?..

...Помню, помню о лжи и обмане,
О шаманах корыстных и злых!..
Тот страдал, изживая страданья,
А другой — наживался на них.

ТЕЛО

Всемерно ограждая свой покой
И на работе, и в пути, и дома,
Благополучно в возраст пожилой
Вступает некий давний мой знакомый.

Не знает он волнений и невзгод,
Вовек не голодав и не болея,
Он
 вечером и утром
 взад-вперед
Себя прогуливает по аллее.

Так, по совету лучших докторов,
Дыша глубоко, ровно и умело,
Он полнит кислородом до краев
Свое весьма ухоженное тело.

Он бережет его от сквозняка,
Зимой мехом кутает мохнатым,
Хранит его от ядов табака,
Спиртного капельки не даст... куда там!

О, это тело! О, заветный клад,
Любимый и лелеемый сугубо!
Клянусь, его хозяин был бы рад,
Когда бы эту ценность, вместе с шубой,

Он безболезненно с себя совлек,
Разгладил утюгом его вдоль клиньев,

А там в сундук упрятал, под замок,
Почистив, выбив и пронафталинив.

И неприкрытой жалкою душой —
Вполне бесплотно, хоть и не бесплатно, —
Весь жизни срок оставшийся большой
Ходил бы на работу аккуратно.

...Смотрю я на него из года в год,
И мне его старанья надоели.
Зачем он это тело бережет?
Ну для какой такой высокой цели?

Не для того ли, чтобы, как товар,
Вместилище холодной пресной крови,
Так ревностно, так тщательно готовя,
Преподнести червям могильным в дар?!

ДРУЗЬЯМ

Я ль, друзья, зимою голодный
Не делился с вами пайком?!
Я ли в знойной степи безводной
Дорожился воды глотком?

Лишь одним ни с кем не делился,
Лишь в одном, друзья, поскупился:
Горе в сердце носил тайком.

И не то чтоб копил я горе,
И не то чтоб не верил вам...
Но беда прилипчивей хвори.
Эту ношу тащил я сам,
Сберегая вас и жалея...

Думал: горе сам одолею,
Мед победы раздам друзьям!

Что «мягкость жесткое способна съестъ» —
В народе сохранилась поговорка.
Жестоких мягко подкупает лесть —
И это предок наш отметил зорко.

Тому примеров, по словам молвы,
Калмыки в прошлом видели немало.
Но изречение древнее — увы! —
Повыне остроты не утеряло.

Хоть изменились времена давно,
Облагородив вроде суть людскую...
Пора бы эту мудрость под сукно!
В архив бы сдать пословицу такую!

Пусть «жесткость» глупая и «мягкость» лести
Друг с другом вместе сгинут наконец!..
Опора времени да будет в чести,
В правдивой неподкупности сердец!

Порой высокое смешно
И вызывает раздраженье,
А в низком — ценное зерно...
Какую выбрать точку зренья.

Всего труднее на пути
— Хоть пройдено уже немало! —
Ту точку зрения найти,
Чтоб с точкой Истины совпала.

Когда другой в прозрачном небе
Поймает ласточку мечты,
Когда желанный вынет жребий
Другой, другой — опять не ты! —

И солнце радости горячей
Лицо счастливица озарит, —
Признайся мне: чужой удачей
Ты будешь ли и вправду сыт?

А мне сдается... хоть, понятно,

Оспорят многие мой взгляд! —
Чужая радость нам приятна,
Кто счастьем ближнего не рад?..

Но всей душой иль только частью?..
Как быть с тоскою ледяной,
Когда твое большое счастье
Тебя обходит стороной?!

Чужая радость тронет сердце
И мимо проплывет, дразня,
Подобна отблеску огня:
В ее лучах — не отогреться!

Она — притворство мне не сродно! —
Не прибавляет силы мне,
Как хлеб, который в год голодный,
Случалось, видел я во сне.

И я томлюсь одною жаждой,
Одним желанием живу,
Чтоб счастья хлеб
 отведал каждый,
И не во сне, а наяву.

Я помню прошлое. Я помню
Свой голод. Больше я не мог,
И русская старушка,
Помню,
Мне хлеба сунула кусок.

Затем тайком перекрестила
В моем кармане свой ломоть.
И быстро прочь засеменила,
Шепнув: «Спаси тебя господь!»

Хотелось мне, ее не зная,
Воскликнуть: «Бабушка родная!»
Хотелось петь, кричать «ура!»,
Рукой в кармане ощущая
Существование добра.

Свой голос — будто бы не свой —
Послушай, друг, со стороны!
Наукой этой непростой
Мы все овладевать должны.

И мысль, и выраженье чувств —
Все то, чем делишься с людьми, —
Как будто бы из чуждых уст,
Как посторонний, восприми!

Услышишь, где твой голос льстив,
А где, поводишь опустив,
Не в меру дерзок ты, грубя,
И покраснеешь за себя.

Как поглядишь со стороны
И взвесишь мысль свою, — она
Покажется не столь умна,
Слова — нелепы и смешны.

Из деликатности подчас,
От равнодушья иль со зла
Не скажут правды нам о нас,
Порой фальшива похвала.

Сумев со стороны взглянуть,
Узнаешь: плох ты иль хорош,
Постигнешь собственную суть
И то, как людям предстаешь.

СОВЕТ

Когда все то, что ты создал,
Воспримут люди без похвал
И, может статься, от обид
Внезапно желчь в тебе вскипит,
Ты отойди на два шага
И сплюнь, в сторонке став от круга,
Чтоб не обрызгать желчью друга
И не порадовать врага.

Быль, что ты видал глазами,
От людей скрывать не смей,
Все, что ты слышал ушами,
Былью называть не смей.

* * *

Забыв про землю, глядя ввысь,
О землю, друг мой, не споткнись!
Забыв про небеса, однако, —
Ослепнуть можешь ты от мрака.

Как долго, о как долго дуб растет!
Пока он ветви приближает к небу,
Проходит на земле за годом год.
Десятилетия убегают в небыль.

Покамест, преисполняясь мощных сил,
Дуб станет дубом — равным среди равных, —
Мир сменит облик,
 возмужает правнук
Того, кто желудь в землю посадил.

Верьте, я не слишком рад,
 Что дожил до высшей чести —
 Восседать на пире вместе
 С тем, кто опытом богат,
 Кто — ума и знаний клад,
 Словом, на почетном месте.

Все ж сажусь, когда велят,
 Уважая наш обычай,
 Соблюдая тьму приличий,
 В красный угол — высший ряд,
 Хоть нет-нет да брошу взгляд
 На далекие ряды я,
 Где смеются и острят,
 Где пируют молодые.

Средь почтенных, в их кругу,
 Я беседую степенно,
 Но, признаюсь откровенно,
 Жду — дожждаться не могу:
 Скоро ль миг придет желанный,
 Скоро ли я с места встану,
 Не обидев никого,
 Не нарушив торжество,

Папироску из кармана,
 Будто бы неспешно, выну
 И пойду — сначала чинно,
 А потом почти бегом —
 К молодым — «за огоньком».

Долгожданное мгновенье!..
Но, заметив мой побег,
Молодое поколение
Почему-то гасит смех.
Болтовни непринужденной
Пресекается поток...
На меня глядят смущенно,
К папироске огонек
Подают мне торопливо,
Разговор прервав живой..
Все со мной — весьма учтивы,
Но меж ними я... не свой!

Сухо на сердце и больно...
Да, судьбы не переспоришь!
Видно, молодость напрасно
Попытался я вернуть.
И тогда, вздохнув невольно,
Я бреду в свой угол красный,
Чтоб сухую эту горечь
Увлажнить хоть чем-нибудь.

Паренек на блеклом фото...
Взгляд, не знающий заботы,
На меня сверкнул из мглы.
Вот он — я, давнишний, прежний,
Трав зеленых безмятежней...
Я смотрю, и сердце кто-то
Колет кончиком иглы.

Как же так, в туманной дали
Близкие не угадали,
Не прочел хоть кто-нибудь
За улыбкою веселой
Путь грядущий мой — тяжелый,
Горький, радостный мой путь?!

Так же, как во мне — бывалом,
Поседевшем и усталом,
Юные мои друзья,
Вам не видится, конечно,
Паренек с душой беспечной,
Тот, кем был когда-то — я.

ДЕТИ ПЕРЕХОДЯТ МОСТОВУЮ

По шумливой улице иду я.
Вдруг затихло все вокруг меня:
Дети переходят мостовую,
Ножками усердно семеня.

Словно сквозь поток бурлящей речки,
Твердая тропинка пролегла.
По двое топочут человечки,
Обсуждая важные дела.

До чего серьезны — поглядите! —
Эти люди о шестом году.
Много замечательных открытий
Сделано сегодня на ходу.

Все для них существенно и ново
В этом мире гулкой пестроты.
«Детский сад» — я понял это слово —
В нем щебечут и растут цветы.

И недаром все движение стало.
Легковые выстроились в ряд.
На ребят внимательно, устало,
Как слоны, грузовики глядят.

И шоферы, хмурые мужчины,
Трудный совершившие маршрут,
Подобрили, приоткрыв кабины,
И задержки лишней не клянут.

Я и сам, забыв свою работу,
Улыбаюсь чуть ли не до слез,
Будто мне совсем неожиданно кто-то
Весточку хорошую принес.

Когда над плачущим ребенком
Склонюсь

и в этот самый миг
На звуке изумленно-тонком
Он оборвет нежданно крик,

Как бы подумает мгновенье
И вот, избрав меня из всех,
Родителям на удивленье,
Внезапно сменит плач на смех;

Когда, светло затеплясь,
глазки,
Как звезды станут у него,
И мне протянет руки с лаской
Прелестнейшее существо, —

Тогда восторгом и слезами
Преисполняется душа:
Важнейший на земле экзамен
Я сдал под взглядом малыша.

Да, самый в мире беспристрастный
Мои сомнения пресек:
Мол, «не кори себя напрасно,
Ты все ж — хороший человек!»

И, на «отлично» сдав проверку,
Весельем обуян я сам,
Ребенка подымаю кверху,
А мог бы — к самым небесам!

И мир мне кажется исправным.
Жизнь — хороша. Судьба — права.
Я утвердился в самом главном,
Все остальное — трин-трава!

А это слабое создание —
Подумать, крохотка такой! —
В мое вникает состоянье,
К моей щеке прильнул щекой,

Смеется, дивно хорошея,
Овеяв свежестью меня,
Ручонками обнял за шею...
Мы с ним как будто бы родня!..

Целуя малыша, голубя
И накрепко прижав к себе,
Произношу в душевной глуби
Благодарение судьбе.

За эту чистую отраду,
За детский смех — лучистый свет!
Другого счастья мне не надо.
И может, выше счастья нет!..

Дивясь немного, но с участием,
Другие все на нас глядят,
И, озарившись нашим счастьем,
Сейчас — прекрасны. Все подряд.

Когда играю с детворой,
То, словно вырвавшись из плена,
Я распрямляюсь постепенно
И забываю возраст свой.

И дети радуются мне,
Доверчиво в глаза мне глядя:
Меж ними я — не взрослый дядя,
Я — свой, я — с ними наравне.

Мои волнения — им сродни,
Вопросы их я сердцем слышу,
Такой же я, как все они,
Вот разве ростом чуть повыше.

Все встало на свои места,
Я словно подышал весною,
Омыто свежестью лесною
Сознание,
и душа чиста.

Вы детей растите в холе,
Детям вы даете волю,
Но подумайте, родители,
Человека вы растите ли?

В детях мы души не чаем,
Все проступки им прощаем,
Может, лишь из-за себя,
Лишь свою любовь любя?

Но под нашею опекой
Детям долго ли расти?
Что вы дали человеку
Для нелегкого пути?!

В каждой клетке, каждой жиле —
То, что с детства в нас вложили.
С первых лет Добро и Зло
В кровь и плоть у нас вошло...

Баловням своим, родители,
Силу духа вы дадите ли?

Доверье — в этом дружбы суть.
Что стоит друга обмануть?!
Но знай, что, обманув его,
Себя обманешь самого.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

На кладбище мы друга привезли,
Вдоль ямы черной молча стали с краю
И мертвого зарыли в глубь земли,
Живое горе в сердце подавляя.

Вот все и кончено. И тишина...
Жизнь пресеклась так просто и так странно:
В беззвучье улетучилась она
Из мира шумов, как всегда, неожиданно.

Обиды, радости, добро и зло, —
Что волновало сердце, что томило, —
Смежив глаза, застыло, отошло,
С хозяином лежит на дне могилы.

А мы, оставшиеся, и сейчас
В грядущем неизменно пребываем,
И эта яма черная — для нас,
Как говорят калмыки, — «за Алтаем»...

Но, провожая друга в путь глухой,
В печальную дорогу без предела,
Душа моя, смятенная тоской,
Внезапно озаряясь, просветледа.

И мне в блаженном солнечном тепле
Мои соседи по земной юдоли,
Со мной оставшиеся на земле,
Родными стали, близкими до боли.

И если я живое существо
Когда-нибудь обидел понапрасну, —
Тотчас просить прощенья у него
Мне захотелось искренно и страстно.

А те, кто предо мною виноват?..
Вина их вдруг утратила значенье,
Я отпустить ее готов стократ
И сладкое почуять облегченье...

«Когда б сказать им всем, — подумал я, —
Любой из нас — у замыканья круга,
Так будем жить и вправду как друзья,
Щадя друг друга, радуя друг друга!»

И верил я, что станут все добрей,
Поняв душой простое это слово,
Как будто ключ нашел к сердцам людей,
Как будто истиной владею новой...

Нет счета открытым,
И мы, живые,
То, что мы видим, —
Видим впервые.

И все же наш каждый восход —
Продолженье
Движенья вперед,
Мирового движенья.

Повторов нигде не сыскать
В бытии.
Времени вспять
Никогда не пойти!

Лишь сердце в свой срок,
Когда жизнь отзвучала,
Вернется в исток
И канет в начало.

За годом год уходит в никуда...
 Мы знаем краткость жизненного срока,
 Но — странно! — удаляясь от истока,
 Перестаем подсчитывать года.

Быть может, просто мы привыкли жить
 Здесь, на земле?
 Иль, видя ежечасно
 Бессмертье дел, отвыкли, может быть,
 От мысли тягостной, что смерть — всевластна?!

С тем, что жизнь — лишь на Земле цветущей,
 Что из всей Вселенной

лишь у нас

Разум есть, познавший день грядущий
 И впитавший прошлого запас,
 Не согласны нынче астрономы,
 Мир воспринимая по-иному.

Утвержденья их приняв на веру,
 Пролетев мечтою стратосферу,
 На кругах далеких бытия, —
 Там, где обитают, может статься,
 Жители иных цивилизаций, —
 Вот что увидал недавно я:

Не ученый, лишь мечтатель-практик,
 Я через туманности галактик,
 Через миллионы светолет
 Разглядел, что было непостижно —
 В нимбе радуг

шарик наш подвижный

Плыл, вращаясь, меж других планет.

Все оттенки голубой окраски
 Излучал чудесный ореол.
 На Земле, переливаясь, цвел
 Невоспетый в самой смелой сказке,
 Колебанием воздуха волнуем,
 Тот цветок, что Жизнью именуем.

А над ним, как добрая охрана
(Без нее бы сказочный цветок,
Может статься, поздно или рано
Сам себя пожрать в безумстве мог!),
А над ним

струился в бесконечность
Разум, берегущий человечность.

Из моей непостижимой дали
Вспышки смерти не были видны.
Дивный шар из голубой эмали
Был приютом Жизни и Весны,
И они сплетались так согласно,
Что воскликнул я: — Земля прекрасна!

Вот какую — повествую вкратце —
Мне Земля увиделась вдали,
С высоты иных цивилизаций.

А каким лицо родной Земли
Предстает на близком расстоянье,
Превосходно знаем мы, земляне.

ЛИТВЕ

Литва, ты только снилась мне,
В твоей я не был стороне.
Смогу ли я найти слова,
Чтоб о тебе сказать, Литва?!

Оттенки Балтики твоей,
Озер голубоватых стынъ
Не схожи с красками степей,
Где жгучий ветер да полынь.

В старинных городах твоих
Мне погостить не довелось...
И все же я тебя постиг,
Как будто бы прошел насквозь, —

Не по следам прекрасных строк,
Хоть я запомнил их, ценя, —
Нет, не Майронис мне помог,
Не Донелайтис вел меня!

Литва, я встретился с тобой
В жестокие года, когда
Вступила Правда с Кривдой в бой...

Да, в грозовые те года
Калмыки и твои сыны
Судьбою были сведены.

С литовским звучным языком,
Признаться, не был я знаком,

Но убедился вновь: народ
Другой народ всегда поймет!
Едва услышал я — «жвирблис»¹,
Защебетали, полились,
Журча, весенние ручьи,
— Жвирблис! — кричали воробьи.

А слово «хорошо» — «герай»,
Напомнило мне отчий край,
Наш дом и тополь во дворе,
Ведь по-калмыцки дом — «гере».
«Гере — герай»... Осознаешь
Лишь на войне, как дом хорош!

Твоих сынов спокойный нрав,
Высокий горделивый дух
Напоминал покой дубрав...
Не зря они твердили вслух
Мицкевича могучий стих:
«О родина моя, Литва!»
Мы видели: любой из них,
Сражаясь, жизнь отдать готов,
Чтоб Родина была жива...

...Литва, я знал твоих сынов,
А значит, и тебя, Литва!

¹ Ж в и р б л и с — воробей (лит.).

Приехал друг в родимые края.
Зайдя ко мне, дивился он немало:
— А где ж лозинка тонкая твоя?..
Как?! Яблоней цветущей стала?!

Белым-бела!.. Что ж это, в самом деле?!
Ведь, кажется, недолгий срок протек!
...Он не заметил, что за этот срок
И я и он — мы тоже! — побелели.

Бывало, к домбре прикасалась ты вдруг
 Рукою певучей, рукой своей белой.
 И тотчас домбра откликнулась, гудела
 И ливни веселья струила вокруг.

И с места срывались, ярьась, распалясь,
 Могучие парни. Они что есть мочи
 С притопом пускались в неистовый пляс.
 Метали огонь соколиные очи.

И каждый по кругу стремился к одной,
 Чьи взгляды манили, влекли, колдовали,
 Он бил каблуками о пол земляной,
 Да так, что засохшие корки взлетали.

И плечи калмыцких красавиц в кругу
 Парней задевали, и ширилась буря.
 Сгибался блестящий сапог на бегу
 В фигуре мольбы — знаменитом «мольджуре».

Но я не за пляской следил в этот миг —
 За белой рукой, за ее пятилучьем,
 Чтоб только со взглядом не встретиться жгучим
 Двух огненных глаз — двух сияний твоих.

Где радость, где горечь далекой поры,
 Не раз о грядущем мечтал я, бывало...
 А ныне прошедшим грядущее стало
 И в сердце гудит, словно отзвук домбры.

Жизнь на лицах вяжет узелки
И морщин протягивает нити.
Всем людским стараньям вопреки,
В каждом теле — груз былых событий,

И его не денешь никуда.
Тяжесть эта давит и тревожит.
Рад бы человек свои года
Обуздать, тревожить, да не может!

А желанья так бурлят подчас,
Будто двадцать лет тебе, не боле!
И не усмиряет их приказ
Самой мудрой, самой властной воли.

Сын не знает, что отец томим
Тою же мечтой нетерпеливой,
А увидев сына, перед ним
Затаится, замолчит стыдливо.

Дух состарить иль — одно из двух! —
Сделать бы, чтоб тело не старело, —
Потому что вечно юный дух
Мучает слабеющее тело.

Затрепетали лепестки тюльпана,
И развернулся медленно бутон,
Как будто вскрылась розовая рана...
Мне кажется, я даже слышал стон.

И мне подумалось: живая клетка,
Когда желает свой продолжить род,
Вот так же — и мучительно, и редко —
Двоится и — похоже! — смерти ждет.

Наверно, так страдает все живое,
Когда решится быть живым и впредь!
Чтоб в бытие перешагнуть иное,
Страданье должно всем перетерпеть.

И храбрый знает, что мужаться надо,
Он закаляет разум, дух и плоть,
Чтобы свою преодолеть преграду,
Чтоб собственную боль перебороть...

Но тот, кто, боль преодолев земную,
Подвинул человечество вперед, —
Стяжал навеки славу мировую,
Он, словно светоч, в высоте плывет.

О ПРИРОДЕ

В степи весенней мальчик лет шести,
Бутои цветка увидев нераскрытый,
Давай его разворачивать сердито:
Он, дескать, должен тотчас расцвести!
— Что делаешь?! Зачем ты губишь
цвет?..
— Природу побеждаю! — был ответ.
«Чужие речи повторяет малый...» —
Подумал я. Не по себе мне стало.

Ребенку объяснить не так-то просто,
Что побеждать природу он начнет,
Когда познает все законы роста,
Изучит скрытого развития ход...

Ведь даже многоопытные мужи
Порой с природой поступали хуже,
Забыв, что хоть она сильна, крепка,
Но так нежна, но так подчас хрупка!

СМОТРЮ НА МИР...

Созрело утро, словно ранний плод.
Прозрачно-чист высокий небосвод,
Цветущий сад — в благоуханных волнах.
Передохнуть присел я на крыльцо.
Смотрю на мир... Старается подсолнух
Подставить солнцу круглое лицо.

Куда ни глянь, у всех — свои дела.
Собака — беспризорная дворняга —
Бежит с пригорка не сбавляя шага,
Насторожилась, носом повела
И вновь трусцой тропе наперерез
Спешит, хромая: времени — в обрез!

А на тропинке — полосатый кот,
Беззвучно-мягкий, словно спит из плюша.
Торопится и он... Прижавши уши,
С дорогою он слился. И ползет...
Видать, вдали его добыча манит.
Не трогайте его: он очень занят.

А меж травинок, у ноги моей,
Гляжу — бежит трудяга-муравей.
Штурмует горы — иль комочки пыли! —
Он тащит, тащит, не щадя усилий,
Детишкам завтрак... Он устал в пути:
Кузнечий окорок легко ль нести?!
О мир существ таинственно-родных!
Слежу за ними взглядом восхищенным.

Они верны неписаным законам
И так послушно исполняют их,
Как будто бы любая тварь земная
Приходит в мир, свой долг священный зная!

А я? Я тоже — в честном их кругу.
Могу ли — старший! — быть у них в долгу?!
Сейчас я поработаю на славу:
И я берусь немедля за труды,
Прокладывая к яблоне кудрявой
Канавку для живительной воды.

Когда весна — медлительно, не сразу, —
Нагреет землю и войдет в зенит
И, ароматом полный до отказа,
Над многоцветьем воздух зазвенит,
Я уйду один в степные дали,
Бездумно опускаюсь на траву
И — это мыслью назовешь едва ли —
В тени кургана грежу наяву...

А надо мною в синеве бесплотной,
На ниточке весеннего луча
Трепещет жаворонок беззаботный,
Как колокольчик радости звуча.

Тогда душа — светла и невесома,
Весь мир во мне. И в мире я — как дома.

Осенний лист на длинном черенке
Поник, подумал... и слетает в воздух.
А степь в рассветном голубом дымке
Примолкла, долгий предвкушая роздых.

Давно пшеница убрана в полях.
Стерни колючки в пахоте размякли.
Скирды в низинах — на манер папах
Из серебристо-серого каракуля.

И, пробиваясь нехотя из мглы,
Лучи ложатся — все спелей, багряней,
Они как будто слишком тяжелы
Для зябкой, паутинно-тонкой рани.

Ты, кто прежде
 в море разнотравья
 Знал в лицо
 мельчайшую из трав,
 Нынче — признавайся, не лукавя, —
 Много ль назовешь их, опознав?

Ты, по птичьим щебетам когда-то
 Разбравшийся в погоде сам,
 Сколько певчих из семьи пернатой
 Нынче отличишь по голосам?!

Ты, кто ночью был в степи как дома
 И по звездам намечал свой путь, —
 Много ль звезд тебе теперь знакомо?..
 Разве две иль три каких-нибудь...

Ты разведал тайны мирозданья,
 Разгадал загадки всех начал,
 Но, утратив прежние познания,
 Может статься, что-то потерял.

СТЕПНОЙ ОРЕЛ

На холм у перекрестка двух дорог
Степной орел уселся горделиво.
Железны перья ржавого отлива,
Иссиня-черен клюв, как бычий рог...

Гудок.. Машина мчится стороной,
Вздымая пыли облако густое..
Не шелохнулся исполин степной,
Вниманием ее не удостоя.

ДОЖДЬ

Солнце жгло нашу степь, хохоча,
Насылало колючие иглы...
Степь лежала суха, горяча.
Пожелтела трава и поникла.

Суховой равнодушно-жесток
Налетел, закружился, балуя.
Осушил за единый глоток
Животворную влагу земную.

Что ни утро, все мы, степняки,
В это душное, тяжкое лето
Вдаль смотрели из-под руки:
«Может, все же есть облачко где-то?»

И однажды порыв ветерка
Сдвинул воздух — застывший, колючий...
Он откуда-то взял облака
И слепил их в свинцовую тучу.

Обвевая прохладой своей,
Шла она, распластавшая крылья...
И, завидев ее, суховой
Отступил и улегся в бессилье.

Обложившая высь пелена
Поглотила палящие стрелы.
Степь взглянула наверх: «Спасена!»
И у степи лицо подобрело.

А когда за небесной кошмой
Заворчалось и заворчало
И раздался удар громовой,
На душе у людей полегчало...

Ливень хлынул, и степь ожила.
И хоть струи стегают, как плети,
Но, раздевшись почти догола,
Веселятся под струями дети.

Да и взрослые — строгий народ —
Все смеются, скажите на милость!..
Словно с неба не дождик идет,
Словно детство дождем воротилось.

В ЦИРКЕ

Поднимая передние ноги,
Он послушно танцует на двух
Под заигранный вальсик убогий,
Конь-циркач, разукрашенный в пух,
На арене кружится он стоя
И как будто кичится уздою.

Люди рады. А я вспоминаю
Наши степи в разгаре весны...
Ни узды, ни поводьев не зная,
Скачут вольных коней табуны,
Тех, что волка — в сраженье открытом —
Убивают могучим копытом...

Сердце сжалось от злости и боли:
Жалкий этот плясун цирковой
Благодарен за счастье неволи
И холеной своей головой
С переливчатой гривой атласной
Нас приветствует подобострастно...

Не таким он пришел на арену!
Вижу явственно издалека,
Как, роняя кровавую пену,
Норовил он стряхнуть седока,
И храпел, и шарахался дико,
Гневным глазом косясь на владыку...

А — потом — изменились повадки.
Что могло бунтаря одолеть?

Сахар, что ли, прельстил его сладкий?
Устрашили свистящая плеть
И мундштук, разрывающий грубо
Лошадиные мягкие губы?

И теперь только изредка снится
Бег, похожий на птичий полет,
Только изредка круп кобылицы
В сновидении смутном блеснет,
Обжигая дразнящей тоской...
Сон уйдет, но разрушен покой.

Потому-то ему захотелось,
Всех коней на арену согнав,
Обуздать их неистовый нрав,
Чтоб забыли упрямство и смелость,
Чтобы впредь на дыбы не взвивались,
А, привстав, танцевали бы вальс!

Беззаботно коню, безопасно
В теплом, сытом раю цирковом!
Тот, кого ненавидел он страстно,
Нынче стал для него божеством.
Конь доволен судьбою своею,
О свободе и думать не смея.

Но прервал моих мыслей струенье
Марш...

Цветные лучи на арене
Разбежались.

И, словно во сне,
Закружились в бесплодной погоне
Разноцветные жалкие кони,
Жалких львов унося на спине.

МОЙ РАЗГОВОР С СУСЛИКОМ

В месяце «цаган» — душистом, чистом —
Чуть в Калмыкию пришла весна, —
Оглашая степь веселым свистом,
Суслик пробудился ото сна.

Вылез он, пушистенский, из норки
И стоит, как столбик, на пригорке —
В настроении, видать, отличном...
— Здравствуй, суслик! Все ж тебе я рад!..
Ты, в конце концов, не виноват,
Что питаешься зерном пшеничным!

Вот ведь что природа учудила:
Бич полей — ты мой исконный враг!..
Эх, ловил бы ты мышей, мой милый,
Мы б тебя носили на руках,
Воспевали бы в поэмах славу,
А не подсыпали бы отраву!

Все же не сердись на нас, людей...
Будь ты — посильнее, полютей,
Поменяйся ты местами с нами,
Ну а мы... мы, ставши грызунами,
Пожирали б зимний твой запас, —
Разве, суслик, ты щадил бы нас?!

Но пока не изменились роли,
Примиись, бедняжка... Потерпи!..

Если вас останется в степи
Этак пять иль шесть семей, не боле, —
Люди вас немедля отличат,
Тотчас же изменят нрав свой жесткий
И твоих малюток-суслицат
Станут, может быть, кормить из соски.

Выстроят вам лучшие дома
(Надо все же виду сохраниться!).
И для вас наполнят закрома
Самою отборною пшеницей...

Будешь ты с семейством, как в раю!
Нужно только подождать, конечно...
...Не дослушал суслик. И поспешно
В норку сунул голову свою.

Куцым хвостиком повел слегка,
Может статься, в предвкушенье рая,
Может — кто поймет его, зверька? —
Вдруг меня за что-то презирая...

Так иль нет, но он вильнул задком,
Кабы мог бы, так захлопнул двери, —
И укрылся в норке целиком,
Доброте моей не слишком веря.

Целовать готов сазана,
Молодчагу-усача!
Точно выиграл неожиданно
По билету «Москвича».

Расплывается в ухмылке,
Излучая торжество,
И от зависти
 затылки
Чешут все дружки его.

...Тепел ветер предзакатный.
Забурлили котелки.
Дух от них идет приятный...
В круг уселись рыбаки.

Подкрепляются ухом
(И ухом ли одной?)
И смеются, планы строя
На ближайший выходной.

ЛЕТО В НОРИЛЬСКЕ

Третьи сутки всерьез припекает,
Все живое кругом веселя.
Третьи сутки теплынь здесь такая,
Что уже зеленеет земля.

И весна здесь, и лето, и осень
Умещаются месяца в два.
Круглосуточно нежную просинь
Пьют деревья, зверье и трава.

И заметно глазам, как тучнеет
Весь пушной и пернатый народ,
Как становится зелень сочнее, —
Здесь сгущенное время течет.

БОЖЬЯ КОРОВКА

Все застыло, все окаменело
Там, на воле, — за рамой двойной.
Стекла плотно задернуты белой,
Густо-искрящейся пеленой.

И на этом сверкающем фоне
Столько веток, созвездий и роз —
Даже солнце в лучистой короне! —
Начертил гениально мороз.

Так правдива его разрисовка,
Что — гляжу! — пробудясь от тепла,
Потянулась к ней божья коровка,
Та, что в комнате нашей спала.

На окошко вскарабкалась, глядя
В ярко-белый причудливый сад,
Но стеклянной взбирается глади,
Но дрожащие ножки скользят...

Сорвалась!.. Поднимается снова...
Поскорей бы в душистый уют,
Где в кипении ветра хмельного
Тонкокрылые сестры спуют!

Ах, упала опять!.. Для того ли
Удалось ей прервать забытьё?!
Крик истощный: «На волю!», «На волю!» —
Слышу в каждом движении ее.

Но оконницы в звездах и призмах —
Так безжалостны, так холодны!
Приведет ее к гибели призрак
Непонятой, спящей весны!

Пробужденная в час неурочный,
Рвется в жизнь она каждым броском...
Как на это смотреть?! Чем помочь ей,
Преступившей природы закон?!

ВЕСНА

Смотрите, как меняются деревья
Весенним днем на солнечном пригреве;
Как расслабляют мускулы они,
Как дивно хорошеют, сбросив иней —
Чешуйки зимней кованой брони!

Они

в своей изыбшей сердцевине,
Под натиском враждебном непогод,
Ощерясь, ограждали иступленно
Свое дитя — красу листвы зеленой, —
Как мать в утробе охраняет плод.

И вот они стоят, расправив плечи,
Подобно юной женщине расцветшей,
Той, что законной гордости полна,
Родив на свет желанного ребенка...

Весна!.. Везде, в любые времена,
Весну поэты воспевали звонко,
Слова-цветы сплетая в стройном гимне,
И думал я: «Где мне тягаться с ними!»

Но в этот раз не смог я не подпасть
Под эту упонительную власть!
Капли звон, и струйки дождевые,
И птичьи трели, и шуршанье льдин
Услышал я как будто бы впервые,
Как будто это слышу я один!

Само собою слово стало в строку,
И вот пишу... И не боюсь упрёка,
Что повторяю общие места,
Пишу, и совесть у меня чиста:
Деревья, небо подтверждают зримо —
Весна, как человек, — неповторима!

Все, что вокруг меня свежо и ново, —
Присуще только нынешней весне,
И для стиха

мне подсказать готово

Слова, присущие лишь ей и мне.

ВЕСНА ПРИШЛА

Солица нет. Весна запоздала.
Все же степь набралась тепла.
Посвежела мало-помалу
И высоко вверх подняла

Умоляющие ладони
Всех травиночек — дочерей,
Мол: «Не прячься на небосклоне!
Выйди, солнце, из туч скорей!»

Все ж скворцы прилетели с юга...
Пробиваясь из облаков,
Окликают звонко друг друга:
«Я — в порядке... А ты — каков?»

Воробы, те у нас на крыше
Так чирикают в честь весны,
Что невольно кричишь им:
— Тише!

Будет сплетничать, болтуны!..

И кукушкины междометья
Оглашают степь и поля.
Не смыкает глаз,
долголетия
Людам, птицам, зверью суля...

Сладко жмурясь, овцы, коровы
Ароматный жуют обед.
Дескать, «лучше блюда такого
И на свете, должно быть, нет!»

И, меж туч растворив окошко,
Солнце выглянет вдруг, лучась,
И уйдет, покраснев немножко,
За ничтожность даров стыдась.

Но старухи, у дома сидя,
Насладятся хоть миг теплом
И, на солнышко не в обиде,
Толковать начнут о былом.

У мужчин — разговор особый.
Эти слова не бросят зря.
В трудных хлопотах — хлебобобы,
Агрономы и слесаря...

Чу!.. Машины затарахтели..
Возят на поле семена.
...Значит, это — на самом деле!
Значит, все же пришла весна!

Зеленое платье степей обвила,
Как пояс... Возникла ненадолго,
А все же и небо, и землю слила
Высокая легкая радуга.

По гребню ее пробежал ветерок,
Весенний, душистый, задорный,
Всю душу омыл, все заботы совлек,
И стало в груди так просторно.

СМЕРТЬ САЙГАКА, ИЛИ РАССТРЕЛЯННОЕ УТРО

Все ярче неба дальний уголок.
В тумане, в сизом предрассветном
дыме,
Упрямо разгорается восток,
Лучами искрометными, густыми
Просторы наполняя до краев...
И предо мной, по-утреннему ярко,
Мир предстает, как праздничный
подарок, —
В росе, в лучах... Неотразимо нов.

Прозрачен пробуждающийся день
В степи... Но чья-то крохотная тень
В лучистом воздухе затрепетала...
Я глянул кверху... Жаворонок малый
Как раз над головой моей повис
И, крылышками ввинчиваясь ввысь,
Поет, поет, разбрызгивая трели...
Он подтверждает, что на самом деле
Мы с ним друзья, что мы сейчас вдвоем
В ладу друг с другом дышим и живем
И славим утро — ясное такое...
Как другу, я машу ему рукою.

А тут еще один проснулся друг...
Из норки суслик выбрался. Исправно,
Хозяйственно проверил все вокруг
И, лапкой мордочку умыв забавно,

Как засвистит!.. Вот он невдалеке
Застыл, как столбик, на степном

кургане

И на своем свистящем языке
Подружку вызывает на свиданье.

И тут же, плавно сдерживая шаг,
С достоинством, доверчиво-спокойно,
Бок о бок со своей подругой стройной
По склону поднимается сайгак...
И на вершине, в сини безоглядной,
Чета сайгаков смотрит на восток
И пьет, как воду, медленно и жадно
Студеный воздух — за глотком

глоток...

...Какое показала мастерство
Природа-скульптор в день, когда лепила
Сайгака!.. Сколько проявила силы!
Как тщательно продумала его,
Как мудро и любовно он отлит!
Вписав сайгака в золотые дали,
Природа рассчитала все детали —
От гордой головы и до копыт!

Рога оленьи — сочных два побега —
Она дала ему, слегка пригнув,
Не поскупилась на орлиный клюв, —
Могучий нос необходим для бега!
Бока борзой животному даны...
А ноги, ноги!.. Что проворней в мире,
Чем эти вихри?! Эти вот четыре
Природою натянутых струны?!

Как девушки безгрешные мечты,
Сайгаки и беззлобны и чисты.
Нужна сайгаку лишь трава степная.

Стада их легкие с приходом дня
Пасутся, никого не утесняя
И никому обиды не чиня...

...Всю прелесть их я постигаю снова,
Смотря на их согласную чету:
Они как будто бы взлететь готовы —
Вот-вот взовьются к небу, в высоту!..
И, право, есть ли наслажденье выше,
Чем красоту земную созерцать?!
Спасибо щедрой жизни, подарившей
Мне это утро, эту благодать!..

...Сегодня трепетная красота
По всей степи калмыцкой разлита:
Голубоватый воздух и безлюдье...
Вдыхаю ароматы полной грудью,
С травинкой каждой ощущаю связь...
И вижу, чувством опьянен волшебным:
Неподалеку птица с пестрым гребнем
Сидит, меня несколько не боясь.

Ни перед кем я нынче не в долгу.
Со степью вместе радуюсь и плачу!..
Как жаворонок, я запеть могу
И, кажется, пойму язык сайгачий!..

Да, я сейчас в родстве со всем живым,
И — верю! — это будет вечно длиться!
Я слит с землею. Я ее частица.
От мира я сейчас неотделим!..

Я слышу, как зверьки скребутся
в норах,
Мне поверяет тайны каждый знак...
Но что-то хрустнуло... Враждебный
шорох!

И, вздрогнув, поднял голову сайгак...
Насторожился... В сторону отпрянул...
Но поздно!

Небо с треском порвалось!

Прозрачность утра пропоров насквозь,
Из-за холма короткий выстрел грянул...

Так дико, так безжалостно-нелепо
Всю цельность мира раздробил сплеча...

Сайгак подпрыгнул... Он рванулся
к небу,
Как человек, пронзительно крича...

И крик его пронесся, словно смерч.
Бегут вразброд недавние соседи
В смятении, в страшнейшей из трагедий,
Когда живое ощущает смерть.
Несутся птицы с шумом...

А сайгак
Лежит... Пригнулась шея неуклюже...
Дымится кровь и натекает лужей..
И солнце опускается во мрак,
Багрово-липкий, нестерпимо-алый...
И мирной радости как не бывало!

Как будто
голубое озерко,
То, что дышало в камышах струисто,
Людей питало рыбой серебристой,
Прохладу рассылало далеко,
Схватил жестоко,
расплескал, смеясь,
Какой-то великан, рассудком нищий...

Где гладь была — зловонный ил
и грязь,
Растресканное обнажилось днище...

Как будто тот, кто за бедой беду,
За горем горе сеет повсеместно,
Ударом вышиб лучшую звезду,
Злорадно покалечив свод небесный...

Где источалось чистое сиянье —
Пустой глазницы черное зиянье...

Как будто мысль, светившую
впотьмах,
Ту, что вела сквозь лабиринт столетий,
Злодейски расстреляли на рассвете...
И покачнулся мир в моих глазах.
Все доброе исчезло в струйке дыма...

Нет,
Не сайгака здесь дымится кровь!..
Казалось утро девушкой любимой,
Напоминало первую любовь...

Не тварь земную —
образ утра чистый
Здесь, на глазах моих, убило Зло,
И кровью утра — жаркою, лучистой —
Мне душу обожгло!

СТЕПНАЯ БЫЛЬ

С тех пор

прошел почти что год,

Но случай этот самый
Из памяти моей нейдет,
Трепещет в ней упрямо.

...Неспешно ехал я домой
Дорогою степною,
Гнедой —

конек послушный мой —

Шел шагом подо мною.

Был предзакатный тихий час,
Уже не слишком знойный,
Тот час, когда в степи у нас
Особенно спокойно...

Молчит природа, будто спит,
Но помогает думам,
Нет-нет

вспорхнет из-под копыт

Степная птица с шумом.

И вновь недвижим трав ковер
Иль океан бездонный,
В тиши звенит, стрекочет хор
Цикад неугомонный.

И, вторя музыке цикад,
Протяжно, однозвучно
Завел я песню с ними в лад —
Так думать мне сподручно.

Копыт негромкий перестук,
Дремотной степи прелесть,
И мысли спорятся... Как вдруг
Какой-то треск и шелест

От мерных дум меня отвлек,
Сбивая сразу с толку...
Пушистый серенький комок
Упал коню на холку!

Ты, жаворонок, вестник дня!
Спустился для чего ты?..
Быть может, в гриве у коня
Запутался с разлету?..

Хочу понять я, почему
Случилось с ним такое,
Ладони протянул к нему,
Беру его рукою...

Не диво ль? Смыслу вопреки,
Он из руки не рвется,
Впились мне в кожу коготки,
Он сам к ладони жметя...

И показалось мне на миг,
Что малая пичуга
Взывает грустью глаз своих
Ко мне, моля, как друга,

На бессловесном языке...
Где видано от века,
Чтоб жаворонок на руке
Сидел у человека?!

Такой он жалостный на вид
И смотрит как-то странно,

Быть может,
ранен иль подбит?
Нет, не заметно раны!

Тебе не причиню я зла!
За что, на самом деле?..
За струйки чистые тепла,
За то, что чудо-трели

Ты расшиваешь серебром
По золотому полю?!
Ну, полно!..
За добро добром —
Ступай себе на волю!..

— Счастливого тебе пути! —
Слегка подбросив к небу,
Певцу я пожелал: — Лети!.. —
...Эх, догадаться мне бы!

Отчаян был его полет:
Он, крыльями махая,
Так мчался, будто бы идет
За ним беда лихая...

Но ясен был июньский день,
И я прогнал тревогу...
И тут косая чья-то тень
Упала на дорогу...

И, к небу голову подняв,
В тоске и страхе вижу,
Что коршун падает стремглав
Все ниже, ниже, ниже...

Разбойник в полном цвете сил,
Удалый и могучий,

Он птаху серую схватил,
Вонзает когти-крючья...

Кричу что мочи есть: «Э-гей!..»
Нет, не спугнуть убийцу!
Услышав окрик мой, злодей
Решил поторопиться,

Домучить жертву до конца...
Он взмыл и в то же время
Ударил бедного певца
Железным клювом в темя!..

И вот не песен серебро
С небес ко мне упало:
Кружится серое перо,
Да капля крови алой

Меня ожгла острее огня,
Степные дали засты...
...Вот что просил ты у меня —
Спасенья от напасти!..

Ты беззащитен был и мал
В ладони человеческой...
Зачем же я тебя погнал
Погибели навстречу?!

А степь дышала чабрецом...
Привольной — горя мало,
Что все-таки одним певцом
Над нею меньше стало!

...Мешает время снег с дождем,
Сменяет зимы, весны...
Мы все со временем пойдем,
Но часто слишком поздно.

ЖИЗНЬ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ЛЕНИН

Он думал, что работал в меру сил,
Как все, на общей стройке многотрудной,
Как все, домой зарплату приносил
И получал паек такой же скудный...
Себя не звал вождем народным он —
И стал вождем народов и времен.

Не в том ли смысл высокого пути,
Чтоб быть в любом поступке человеком,
Но всех других трудами превзойти,
Но разумом возвыситься над веком
И постигать, в чем связь веков живая,
Быть человеком не переставая?..

ЗАПИСКИ ЛЕНИНА

Записки Ленина!.. Запечатлен
Взлет мысли — по следам его горячим
В бурлящих недрах микрокосмос
схвачен,

Заснят на пленку
вспыхнувший нейтрон...

Кипение потока временного,
Где мир творится небывало ново.

Строка!.. И ею человек спасен,
Еще строка!.. Истории движенье...
Я чувствую руки его скольженье...
За мыслью мысль

векам бросает он,
Та — вольным государством станет,
эта —
Взлетит к Луне стремительной ракетой.

О ЛЕНИНЕ

Не странно ли?

Когда событий ход
Вновь подтверждает: путь наш
неизменен

И неизменно к радости ведет,
Ты часто ль вспоминаешь имя «Ленин»?..
Оно как родина и отчий дом:
Мы в нем живем, не говоря о нем.

Когда ж беда нагрянет не стучась,
И правды свет в твоих глазах затмится,
И трудно днем, и по ночам не спится, —
«Как не хватает Ленина сейчас!» —
Твердишь, тоскуя...

Так в краю чужом,
В печали, вспоминал я отчий дом.

Жизни мира, длящейся века,
Жадною душою не завидуй!
То, что жизнь людская коротка,
Не считай ошибкой и обидой.
О ничтожном сроке говоря,
Не терзай себя, не мучься зря!

Чтоб увидеть мира мудрый лик,
Этот срок достаточно велик.
Чтоб свершить свое предназначенье
И служить Добру,

нам всем дана

Вечность.

Если вдуматься, она —
Беспредельно долгое мгновенье.

Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!
Хрустально-звонкий воздух, и простор,
И колокольчик — жаворонка трели!..
Ты — музыка, чьи звуки с давних пор
Какой-то гений, в неизвестность канув,
Переложил на живопись тюльпанов.

Как счастлив я, что голос твой пойму,
Что человек я, и душе все чаще
Доступна радость красоты щемящей..
Иль человек я только потому,
Что внемлет скрытой музыке душа?..
О жизнь, как ты щедра!.. Как хороша!..

Сколько свежести в народном слове,
Вещей мудрости, что вечно внове!..
С завистью учусь ему, дивясь
Простоте, не знающей прикрас,
Уху, что полет пушинки слышит,
Глазу, видящему дрожь звезды,
Сердцу, что со всеми вместе дышит,
Замирая от чужой беды...
Полный благодарности, храню
С детских лет усвоенное мною...

Вслушайтесь: «Уставшему коню
В тягость даже облачко сквозное».

Создавший Гамлета бессмертный гений,
Игравший принца Гамлета на сцене,
Писавший Гамлета на полотне,
С тоскою Гамлета сроднясь вполне,
Его страданий разделяли бремя
И забывали о себе на время.

Но каждый мастер, Гамлета лепя,
Являл в искусстве самого себя.
И личности сокрытое зерно
Светилось в каждой черточке победно...
...Творение найдется ль хоть одно,
В котором бы творец исчез бесследно?!

С тех пор как вертится Земля,
Все те, кто жить на ней достойны,
Душе стремиться вдаль веля,
О счастье мыслят беспокойно.
Как вырастить его цветок?..
Ты им хоть чем-нибудь помог?

Поняв, где истина, где ложь,
Стань всех других неутомимей,
И мыслью творческой умножь,
Что было найдено другими.
Лишь мысли благодатный сок
Прекрасный вырастит цветок.

Десять быстрых, волшебных слуг
Разбежались по клавиатуре...
Гром ударил, рокочет буря,
И расплавилось солнце вдруг
Лавой огненной мелодий,
Океан ревет о свободе...

Как вмещаются в сердце узкое
Океаны чувств — не пойму!..
Да не ты ли творишь нас, музыка,
По подобию своему,
Обжигая сердца
и радуя
Возвышающий дух
прохладою?

*Памяти
Анны Андреевны Азмазовой*

Я знаю: вечного на свете нет,
Тому свидетель опыт прошлых лет...
И все же видеть мертвые черты
Прекрасного так больно, так тоскливо!
Так страшно

 возле гроба красоты
Вновь убеждаться, что уродство живо.

Я знаю, что уродство в свой черед
Умрет, исчезнет, навсегда уйдет.
Но красоту, что, музыкой дыша,
Нас ввысь влекла

 и вот смежила веки,
Ту красоту не воскресить вовеки!..
И плачет безутешная душа...

Еще не зазвучавших песен звук,
Слова, еще не сказанные вслух,
Стихов грядущих первое дыханье —
Дары незримые...

В страну мечтанья
Я прячу вас, я создаю в ней
Чудесный город радости своей.

Они цветут, они шумят весной —
Владения моей былой печали...
О чудо!.. Прошлое забыто мной.
Все ярко, все желанно,

как вначале.

Как будто жизнь покоя веков

легка...

Да будет так на долгие века!

Я смерти не боюсь.
 Могильную гряду,
 Чтоб вновь увидеть мир и вновь
 ему дивиться,
 Раздвину как-нибудь и деревом
 взойду
 Иль птицей обернусь
 И стану петь, как птица.

Боюсь лишь одного —
 Что с другом, может быть,
 Судьба столкнет меня в той
 оболочке новой...

Сумею ль я его
 Позвать, оповестить,
 Утратив дивный дар — людское
 наше слово?!

Не бряцай оружием напрасно!
Даже малолетним нынче ясно —
Это может породить беду!
А сонеты, эпиграммы, басни —
Не оружие разве?.. Что опасней?! —
Сразу я ответа не найду.

Прежних войн железные останки —
И не то что шпаги, даже танки! —
За ненужностью сданы в музей.
Но, как встарь, поэзия Шекспира
Сокрушает злые силы мира,
Помогая правде наших дней.

Так пишут иные о смерти поэта:
«Ушел он... А песня его не допета».
Да это неправда!.. Ну как объяснить им?!
Когда недопетое слышат наитьем,
Так, значит, стихи завершились вначале,
Чтоб вы их в душе продолжали, кончали...

«Ушел, не докончив...» Да разве он вправе?!
Ушел, потому что вложил, переплавя
Все клеточки сердца в иную основу...
Ушел, потому что сказал свое слово.
...А если себя он не высказал в этом,
Тогда понапрасну он звался поэтом.

Пока не кончена строка,
Пока не дописал, пока
Метафоры издалека
Еще ведет моя рука,
Пока не завершен мой стих, —
Владыка я стихов моих.

Но завершился он, и вот
Своей судьбою он живет.
В сердца закинет сеть и ждет...
Сто радостей иль сто невзгод —
Что принесет он мне домой?!
Теперь мой стих — владыка мой.

ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ

Порой на миг застынет время,
И в небе молния сверкнет,
И потемнеет надо всеми
Надвинувшийся небосвод.
Но жив я истиной одной,
Добытой дорогой ценой:

Закон движения природы
Всегда — движение добра.
Мне говорят века и годы:
«Сынок, тебе понять пора,
Что время с нами заодно:
Назад не движется оно!»

ВРЕМЯ

В пространстве неба — близи нет и дали,
Покамест люди их не подсчитали,
И без людей, без мудрого их знания —
Нет времени, — лишь пустоты зиянье.
Когда ж оно

 людьми претворено,
То Временем становится оно.

И потому-то, рассуждая здраво,
Должно быть

 время доброе
 по праву —

Подобно людям, чья душа скромна,
Кто не привык хвалиться друг пред другом.
...Пускай его оценят по заслугам
Со временем

 другие времена.

ДОСТОИНСТВО МУЖЧИНЫ

Почувствовав, что смерть приходит, старый дед
Сказал собравшимся последний свой завет:
«Не надо ссориться, чтоб не познать кручины,
А счастье поровну делите меж собой.
Служите родине, что вам дана судьбой, —
Так сохраните вы достоинство мужчины».

Потом сказал: «Меня оставьте вы теперь!» —
И властью рукой он указал на дверь.
Все стали выходить, на трудные морщины
И желтое лицо взглянув в последний раз.
Так, слабость скрыв свою от близких в смертный
час,
Он умер, сохранив достоинство мужчины.

Метель беснуется... Беда, беда!
И под ее неистовые стоны
Я думаю о степи заметенной,
О них, друзьях, пасущих там стада...
Моих друзей буран в степи застиг,
Прошу вас, люди, думайте о них!

Ведь если думать, думать всем вдали
О тех, кто в снеговой пучине тонет, —
Их наши мысли, говорят, догонят,
Поддержат их хоть на краю земли,
Помогут одолеть тот путь, ту малость,
Что до спасенья им еще осталась...

БОЛЬ

Кольнув нежданно изнутри
И затемнив благополучье,
Предупреждает боль: — Смотри! —
И, как дозорный самый лучший,
Тревогу бьет, гремит в набат...
И вот покой убит, разъят.

Мобилизует сил запас
И чувства стынувшие будит...
Нет, если боль отнять у нас,
Добра от этого не будет!
Ведь я живу, покуда чую
И боль свою, и боль чужую.

СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

Когда, как вестник торжества и славы,
Ко мне пришел бы старец белоглавый,
Калмыцкой старой сказки чародей,
И подарил мне счастье всех людей,
Я б это счастье разделил на части,
Всем людям поровну я б роздал счастье.

Но если б он собрал в один комок
Все, что печально на земном просторе,
Чтоб в сердце у себя вместить я мог
Все наше человеческое горе,
Я б горе вместе с сердцем сжег дотла,
Чтоб сделалась Вселенная светла!

Жизнь! Сурово душу проверяя,
Как меня не устрашала ты!
Обстреляла на переднем крае,
Опоила ядом клеветы...
Долго не сменяла гнев на милость,
Но, что человек я, убедилась...

Слово с честным Делом сочетал я.
Нет, не в скорописи утверждал я
Верность Правде и стране родной.
Нет, за все, что высказано мной,
Мукой не боялся отвечать я,
Все скрепил я кровью, как печатью.

«Молчанье — золото»... Молва
Нам донесла из дальней дали
Сверхосторожные слова...
Иль смысл пословицы таков,
Что золотом, во тьме веков,
Порой молчанье покупали?..

«Молчанье — золото»... Не так!
Молчанье — ложь! Молчанье — враг!
Молчать о виденном не смейте!..
Ломая немоты печать,
Суровый голос
 из бессмертья
Взывает: «Не могу молчать!»

НЕСОВМЕСТИМОСТИ

Знает доктор, что вливать больному —
Старику иль парню молодому —
Кровь несовместимую нельзя:
Только совместимая — целебна.
А несовместимая — враждебна,
Быстрой смертью каждому грози.

Знаю и вовеки не забуду:
Есть несовместимости повсюду.
Знаю, как наступит разом смерть:
С глушостью сольется разум? Смерть!
Правда — с ложью вековою? Смерть!
Свету, что сольется с тьмою, — смерть!

Что им стоило казнить Джалиля
Сразу же?

Но был он страшен им.
Палачи, признав свое бессилье,
Понимали: он неистребим!
Он живет в своих бессчетных братьях —
Не повесить, не перестрелять их...

Он, Джалиль, вносил и в Моабите
Внос партийный — мужеством, стихом,
Каждым нервом жил в огне событий,
В каждой строчке был большевиком.
...Кто рожден на свет поэтом истым —
Тот не может быть не коммунистом!

Перешагнув жестокости предел,
Решил Чингис украсить общий жребий:
Он улыбаться подданным велел
Весь день, пока сияет солнце в небе,
А кто дерзнет на жалобы и плач,
Тому отрубит голову палач.

И улыбался весь Чингисов край,
И деспот убеждал молву мирскую,
Что создал в ханстве образцовый рай...
А люди ждали сумерек, тоскуя,
Чтоб в степь уйти, ничком в траву упасть
И в одиночку выплакаться всласть.

Пулю кляли так или иначе...
Сколько жертв, клеймя людскую участь,
Сколько жен в зауспокойном плаче
Проклинали пулю, горько мучась!..
Но, впитавшая поток проклятий,
Пуля разве стала виноватей?!

Пуля?! С пули спрашивать не пробуй!
Ей, свинцовой, и ответить нечем!..
Нет! Проклятье — пальцам человеческим,
Нажимавшим на курок со злобой!
Будь ты проклята!.. Сгори, пылая,
Бед первопричина — воля злая!

В заветах нашей старины
Есть благородные законы,
Мы презирать их не должны...
И почитает неуклонно
Калмык — обычай наш таков! —
Седобородых стариков.

Однако в древний тот закон
Дух современности внесен:
«Да, борода твоя бела,
А совесть?.. Влещет белизною?..
Старик с почтенной сединою,
Почтенны ли твои дела?..»

ПРОЗРЕНИЕ

Врач, мучиться заставив, уничтожил
Мрак слепоты, что длился много лет,
И для слепого мир впервые ожил,
И жизнь его наполнил добрый свет,
Но мрак давно привычных темных дней
Был мрака слепоты сильней.

Он и прозрев не доверял удаче,
Шел по земле, на землю не смотря,
Упасть боялся в яму — даже зрячий,
Беспомощно искал поводыря,
Страшил его людской круговорот...
Кто зренье зрячему вернет?

СКВОЗЬ ВЕКА

Валентину Берестову

1

Археологи

нынешним летом

Колесницу нашли со скелетом,
Наконечники бронзовых стрел...

И сказал молодой археолог:
— Бранный путь твой невиданно долог,
Человек мой, хоть сам ты истлел.

Друг за дружку цепляются звенья:
Изменила стрела оперенье,
Колесница несется во мглу...

Может, эру исследуя нашу,
Скажут: «Эх, заварили вы кашу!
И зачем вы пустили стрелу!»

2

С высот сегодняшнего дня
Веков щербатые ступени
Вниз, в глубину, вели меня...
И в жизнях многих поколений,
Как бы во множестве зеркал,
Себя, свой путь я узнавал.

И по ступеням по щербатым
В тот век, где расщепили атом,
Поднялся я — в наш трудный век...

...Я видел все, и рад сказать я,
Что находил противоядье
Любому яду
Человек.

ПРОШЛОЕ

Не думай, что минувшие года,
Что прошлое уходит навсегда,
Что постепенно заживает рана.
Вчера я плакал и кричал во сне,
Жена склонилась, задрожав, ко мне
И разбудила утром рано.

Подушка вся была от слез мокра.
Минувшее приснилось мне вчера.
Проснулся я, — глаза жены светились,
И зеркало сияло, и окно,
А в сердце — то, что отошло давно,
И слезы по лицу катились.

Не верь, что взгляды и черты,
Чем от других отличен ты,
Как жалкую песчинку — море,
Способен коллектив стереть!..
Со злыми языками споря,
Подумай сам и сам ответь!

Клянусь, что свежесть пестроты
Людей совсем иных, чем ты,
Несхожесть их, своеобычность
И судеб их водоворот
Лишь ярче личность подчеркнет
(Когда она и вправду личность).

У стариков калмыков есть проклятье:
«Да станешь ты глупей, чем все собратья!
Когда же ты во всех хотонах шумно
Прославишься как редкостный дурак, —
Да прогневит тебя совет разумный!..
Пусть будет так!.. Пусть будет только так!»

«От слов правдивых, сказанных пред всеми,
Да отречется твой поганный рот,
Их повернув как раз наоборот!» —
Желал калмык врагу в былое время...
«Так да не будет!» — скажем мы сейчас.
«Такое да минует нас и вас!..»

О время щедрое!..

За мой короткий век
 На чудеса ты было тароватым:
 Меняло направленья рек,
 К созвездьям устремляло бег,
 Бесстрашно расщепляло атом...
 Но так прекрасно жаден человек!..

О время!

Дай ему еще совсем немного!
 Людей и государства научи
 Дарить друг другу добрые улыбки
 И уступать при случае дорогу,
 А не сбивать, как поезда в ночи,
 Друг друга с рельс
 в кровавой, страшной сшибке!

«Вам все простится, кроме превосходства
Ума... Так прячьте разум!.. — произнес
Философ, хоть с улыбкой, но всерьез...
О, этой мысли горькое уродство!
Нет, сделав скидку на судьбу и время,
Я все же возмущен словами теми!..

Как?! Прятать ум, которым жизнь крепка?!
Да разве не уму я благодарен
За то, что в космос поднялся Гагарин,
Что в нашем небе ходят облака,
А не виденья стран, сожженных разом?..
Нет, люди, нет!.. Не смейте прятать разум!

Как на земле бессилен человек!
Ему враждебны горные вершины,
Морей коварных грозные глубины
И молнии губительный разбег.
Не знает — что сулит грядущий век?
Какие завтра ждут его години?
Как на земле бессилен человек!

Смотри, как люди на земле сильны!
Они штурмуют небо ежечасно,
В горах дороги пробивают властно,
И добывают из морской волны
Сокровища, и, вдаль устремлены,
Грядущее свое читают ясно...
Смотри, как люди на земле сильны!

ЖИЗНИ ВЕЧНОЕ ПРОДЛЕНИЕ

Одна судьба нам, смертным, суждена:
Все мы, как есть — со славой

и без славы, —

Исчезнем так, как исчезают травы
По осени, оставив семена...
И поколения, что придут на смену,
Свои пути проложат во Вселенной.

Но, заместив нас на земле, они
Нас не отбросят, в прошлое отчисля:
Все лучшее, что было нам сродни,
Впитают жадно их сердца и мысли...
Не смерть несут нам эти поколения,
Но жизни нашей вечное продление.

Л. С. Соболеву

Дайте, дайте первую удачу!
Пусть в себя поверит человек!
Пусть в приливе радости горячей
Ощутит себя потомком всех,
Кто творил, кто сделал мир богаче...
Дайте, дайте первую удачу!..

Дайте, дайте первую удачу!..
Чтобы, гордость юную не пряча,
Человек, как молодой орел,
Прянул в небо и себя обрел,
Путь свой во Вселенной обознача!..
Дайте, дайте первую удачу!

Когда я вижу в солнечной аллее
Веселых наших юношей гурьбу,
Невольно сравниваю их судьбу
С давно минувшей юностью своею,
Где было столько и преград, и бед,
И с грустью молодым смотрю вослед.

И все-таки им благодарен я —
Счастливым этим, ясноглазым этим...
Не потому ль со злом и лихолетьем
Отважно билась молодость моя,
Что эти дети из туманной дали
Грядущего
мне тайно помогали?..

Под мерзлым настом, где земля черна,
Зимой суровой спали семена.
И в каждом семени поодиночке
Почти неслышно, в плотной оболочке,
Бродили соки и сквозь сон влеклись
Неясно, но упрямо —

ввысь.

Весною

 семена цветов и трав
Вон из себя рванулись в сладкой боли,
И солнце, руки жаркие подав,
Освободило всходы из неволи...
...Две силы нас влекут к теплу и шире:
Одна — в тебе, другая — в добром мире.

ВОЗРАСТ

Там, где в степи курган глядит сурово,
Спросил я у сказителя седого:
«Вы много ль на земле живете лет?» —
«Я твой ровесник», — он сказал в ответ.
Затем добавил, как бы в поясненье,
Прочтя в моих глазах недоуменье:

«Да, возраст человеческий измерьте,
Узнав не год рождения, а смерти.
Кто жив — ровесник тот всего живого.
А мертвый, мертвый — самый молодой!»
Почудилось, что молвил это слово
Не старец, а курган в степи седой.

РУКИ ТРУЖЕНИЦЫ

Всю жизнь работала, но старость
и усталость
Пришли и привели последний, смертный час.
В больнице с близкими она теперь
прощалась.
Затем, как бы внезапно огорчась,
С улыбкой странною — с улыбкою
разлуки —
Взглянула на свои натруженные руки.

«Прощайте, рученьки, пора вам на покой,
Как вы, проворные, работали, бывало,
А сколько радости я из-за вас знавала!» —
Сказала старая с волнением и тоской...
А руки, двигаться привыкшие, лежали,
Как камни белые на темном одеяле.

Когда вдали, как слабый огонек,
Созвездье нынешнего дня светило, —
К нему я рвался и достичь не мог,
Еще не веря в собственные силы,
Но люди говорили: «Он дойдет!»,
И, осмелев, я шел и шел вперед.

Доверием людей душа жива,
И вот, когда так много за плечами,
Ищу я благодарности слова
Для всех, кто поддержал меня вначале...
О, как мы вырастаем, окрылясь,
Когда другие люди верят в нас!

Пожарная машина мчится...

Вой

Сирены страшен, он звучит багрово.
Все расступиться перед ним готово...
И — точно грянул гром над головой —
Мгновенно мысли разбежались врозь,
Тревогою сознание налилось.

Машина мчится, яростно пыля...
Там где-нибудь пожар бушует люто,
Там дом горит... А может, вся земля?
И вдруг мне показалось на минуту,
Что вместе с нею загорелся я,
Я — часть земли, частица бытия...

Любой из нас, кто трудится во имя
Мечты, — с другими нераздельно слит,
С другими вместе жизнь вперед стремится
И длит свой век в содружестве с другими.

В пространстве он и времени живет
На собственном, ему присущем месте,
Мир до краев мы заполняем вместе:
Не терпит человечество пустот!

И если вдруг исчезнет кто-нибудь
Из плотной, из горячей этой ткани, —
В дыру ворвется вихрь... И, сердце рая,
Вселенский холод обожжет мне грудь.

Вода у самой кромки вала,
Взбурлив, натужилась...

Вот-вот

Она оковы разорвет
И разольется небывало.
Еще усилье!..

Нет, невмочь
Воде преграду превозмочь!

Но с неба в яростную воду
Упала капелька дождя,
И, все преграды прочь сметя,
Поток прорвался на свободу...
...Как не хватает нам порой
Последней капли грозовой!

О судьба!.. За то, что по незнанию
Совершил я грех в былые дни, —
Ниспошли любые испытанья,
Но одною казнию не казни:
Ты не насылай мне в дни печали
Тех друзей, что совесть растеряли!

Но за то, что, осознав ошибку,
Я делами искупил свой грех,
Подари мне хоть одну улыбку:
Дай ты мне врагов достойных — тех,
У которых совесть сохранилась!
Будь щедра! Яви такую милость!

О жизнь!

Когда ты на моем пути
Затем, чтоб за провинность наказать
Иль чтобы испытать меня опять,
Противника захочешь мне найти,
И нас друг с другом на пути столкнуть,
Молю, о жизнь, ко мне добрее будь!

Из множества народа, что идет
Сейчас

сквозь времени водоворот,
Того, кого борьба не закалила,
Того, чей ум незрел и уязвим,
Кто послабей меня своею силой, —
Не делай,
жизнь,
противником моим!

Кайсыну Кулиеву

Приснились джунгли нынче мне во сне.
Кругом визжала обезьянья стая...
Раздобрясь, хвост они давали мне,
Чтоб лезть в верхи, при случае петляя...
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав.

Свирепых львов увидел я во сне,
Развеселило их мое обличье!..
И дать клыки они решили мне,
Чтоб слабых бить и жадно рвать добычу...
Но отказался я от этих прав,
Остаться человеком пожелав

Когда я подвожу итоги
Того, что в жизни я постиг,
Когда исследую истоки
Блужданий, поисков своих,
То, как в насмешку, непрерывно
Я с истиной встречаюсь
странной!

Кто совершенствует мой разум,
Всегдашним рвением палим?
Кому я больше всех обязан? —
Клянусь, противникам моим!
Чуть затушится ум захочет, —
Они его тотчас отточат!

С утра поливал я деревья в саду...
Гляжу, в отстоявшейся крохотной лужице
Плывет муравьишка, барахтаясь кружится —
Попал ненароком, трудяга, в беду!
Ему протянул я сухой стебелек, —
От гибели верной его уберег.

И он, суетясь, побежал от меня,
К своим побежал в муравейник, не мешкая...
«Быть может, его поджидает родня», —
Подумал я, вслед ему глядя с усмешкою.
И стало теплее в душе на минуту,
Как будто и вправду помог я кому-то.

Разъяренного ветра порыв
Наземь тополь повергнул зеленый,
И лежит он, печален, красив,
Чуть шурша густолиственной кроной, —
Он, даривший прохладой нас
В раскаленный полуденный час.

Заглянул я к нему в сердцевину
И в смущении понял причину:
Дочерна выжигал его зной
В час, когда над тобой, надо мной
Простирал он заботливо руки...
Как жестоки мы!.. Как близоруки!..

Как плохо слышим мы подчас
Слова, что произносят рядом.
У нас ответов есть запас,
Когда о чем-то спросят рядом,
Но разве вправду слышат нас
Те, кто подмоги просит рядом?!

Как часто слово — только звук.
Уста роняют, слышат уши...
А надо, чтоб друг с другом вслух
Людские говорили души!..
Тогда бы, может, услышали мы
Молчанье тех, кто скрыт за далями.

Давным-давно залеченная рана,
Оставшаяся шрамом на груди,
Порой напомнит о себе неожиданно,
И это — знак, что близятся дожди,
Но за ненастьем вслед наступит вёдро,
И — боли нет, и тело снова бодро.

А рана, что душе нанесена,
Всегда открыта и зануть готова...

В предчувствии ненастья мирового
Душа — как лист: и вся дрожит она,
Едва дыханье бурь ее встревожит...
И долго,
 долго
 боль пройти не может.

СИЛЬНЫЙ И СЛАБЫЙ

Пусть не смеется силою обильный
Над слабым, что пока еще растет:
Он вырастет, прославится, как сильный,
Как богатырь, что изумил народ.
Кто знает, что мы из ростка получим?
А вдруг он станет деревом могучим?

Пусть человек не молится насилью:
Тот, кто сегодня силой знаменит,
Быть может, завтра станет жалкой пылью
Иль, как трава степная, отгорит.
Ведь превратились некогда в пустыни
Моря, что были глубоки и сини.

Прошу, друзья, не истолкуйте вкось,
Что высказать сейчас себе позволю:
Немало книг встречать мне довелось,
Где воспевали руки и мозоли.
Я, право, их читал во все глаза.
Друзья мои, я всей душою «за»!...

Рука умельца, красота труда
Поэзии достойны настоящей.
Но, думается, в наши дни, когда
О космосе мы говорим все чаще,
Руки рабочей воспевая чудо,
И голову бы вспоминать не худо!..

Просят друзья: «Скажи нам йорел!»¹
Горько и радостно в сердце моем.
Видно, таков уж у нас удел:
Горе и радость живут вдвоем.
В нашей истории благо со злом
Связаны крепким калмыцким узлом!

Древний йорел — пожеланье добра —
Произношу, как мой дед вчера:
«Да восклубится у ваших дверей
Светлая пыль из-под ног гостей!
Да преградит вам стеной лебеда
Тягостный путь до дверей суда!»

¹ Йорел — благопожелание (калм.).

Гудя, пчела металась по стеклу,
Не понимая, видно, в чем преграда...
Подумал я: помочь бедняге надо,
И, пальцами легонько взяв пчелу
За кончики ее прозрачных крыл,
Окошко перед нею приоткрыл...

Пчела забилась в пальцах, зажужжала
И жгучее в меня вонзила жало!..
Пчела погибла,

 пострадал и я...

И до сих пор мне совестно, друзья,
Как неразумно поступил я с нею...
Взялся помочь — так помогай умея!

Бейте, люди, пестрых волков!

В дни, когда опустели хотоны,
О хозяевах иступленно
Выли псы калмыцкой земли,
Одичали, в степи ушли...

Бейте, люди, пестрых волков!

Не боятся огня и слова
И не терпят духа людского
Почитавшие нас, как богов,
Твари, одичавшие снова,
Порождения времени злого...

Бейте, люди, пестрых волков!

ОГОНЬ

Сосна, что так стройна и зелена,
Что высится над гордою горою,
Сосна, которой вся земля видна,
Облитая рассветною зарею,
Для обитателей речного дна
Вовеки недоступная сосна, —
Смотри, соединяется порою
С той рыбкой, что проворна и быстра,
Что плавает на дне реки холодной,
Блестая, словно слиток серебра,
Обозревая чудный мир подводный,
Который недоступен с давних пор
Для обитателей высоких гор...
Соединяет их огонь голодный.

Когда человек в больнице —
 Он думает: мир весь болен.
 Когда человек в темнице —
 Он думает: мир в неволе.
 Когда человек доволен —
 Он думает: мир доволен.

Пускай над тобою тучи —
 Ты вспомни: есть солнце где-то.
 Пусть мучит мороз трескучий —
 Припомни, что где-то лето,
 Среды преступи препоны —
 И мир познаешь бездонный.

Похвалите меня, друзья!
Я не создал нынче ни строчки,
Что могла б мне пойти во вред,
Где, как лист ядовитый в почке,
Затаился источник бед...
Похвалите меня, друзья!..

Попрекните меня, друзья!
Я не создал нынче ни строчки,
Ни одной, что могла б дойти
До иззябшего одиночки,
Обогреть его на пути...
Попрекните меня, друзья!

Если ты чего-нибудь достиг,
Не страшись жестоких слов и яда,
Закипевшего в сердцах людских,
подави в душе своей досаду,
Воли не давай негодованью,
Зависть — это, в сущности, признание.

То, что порождает гнев и зависть
У корыстных, чья душа темна,
Добрые посеет семена
В щедром сердце... И ростки, расправясь,
Заглушат со временем то зло,
Что в ничтожных душах поросло.

У каждого свой нрав, своя душа,
Свое лицо, своя любовь и жалость,
И ты, ко всем подладиться спеша,
У каждого заимствуешь хоть малость.
Манеры, взгляды, чуть заметный штрих —
Все у знакомых перенял своих.

Все у тебя чужое — глаз и слово...
А собственный характер твой каков?
Не вроде ли наряда шутовского,
Того, что шит из пестрых лоскутков,
Где все оттенки, кроме одного,
Единственного цвета —
своего!

Молодые, берегитесь зависти!
Стоит ей открыть свой черный рот,
С ней, коварною, непросто справиться:
Оплетет, вокруг пальца обведет!
Мягкой приближается походкою...
Тотчас же ее огрейте плеткою!

Зависть наше зренье ослепляет,
Слух и совесть ядом усыпляет,
Бросит горечи зерно,

и вмиг

Замутится творчества родник...
Зависть — злого суховея суше,
Губит

разума ростки

и души.

Не попирайте мертвыми живых!
Смерть не заслуга, все подвластны
смерти.

Покойников хваля, не лицемерьте,
Коль вся их честь, что нет на свете их,
Когда они, сойдя с лица земного,
Не совершили ничего иного.

Есть времени отрезок небольшой,
Который мы творим и лепим сами,
Хоть малое поддерживая пламя,
Всем разумом своим и всей душой,
Упорством мысли, трепетом наитий...
...Живую жизнь, живых людей цените!

Когда разумный человек,
Кривлякам и глупцам в угоду,
Кичится на глазах у всех
Достоинством своей породы
И чистотой своих кровей
(Всем тем, что ценно — у коней!), —

Мне представляется на миг,
Что этого он сам достиг,
Что подвиг совершил высокий,
Что проявил он удалство,
Разведав, где и от кого
Родиться... И в какие сроки.

Обидевший зазря кого-нибудь
Беснуется, как будто сам — в обиде.
Обиженного смертно ненавидя,
Возмездие пытаюсь оттянуть,
И днем, и ночью ищет он пути,
Как новые обиды нанести.

И если ты без умысла дурного
Жестокое сказал кому-то слово,
От потаенной тяжести души
Скорей освободиться поспеши
И сладкого добейся очищенья,
За свой проступок попросив прощенья.

Солнцем напоен досыта воздух,
Солнце — в листьях вырезных и гроздьях
Молодой акации расцветшей.
Тащит воду с дальнего колодца
Девочка,
 под тяжкой ношей гнется,
Вдрагивают худенькие плечи.

Может, мать ее лежит больная.
Может, нету матери... не знаю...
Только не до солнца ей сейчас!
Да и мне оно другим предстало:
Точно хлеб из желтого металла
Подали голодному, глумясь.

Паришка напоролся на стекло,
Землею подсушили кровь ребята.
И пострадавший смотрит виновато.
Бредет он, опираясь тяжело
На руку друга этак лет семи...
Пришли домой... Стоят перед дверьми.

Увидев рану на ноге сына,
Бледнеет мать,
 о муках столбняка
Впервые друг услышал... Поднялось
Большое состраданье в сердце малом.
Приятеля он пожалел до слез...
И, может, нынче человеком стал он.

Хороший человек не раз
Обманут Злом, к Добру стремясь.
Добро немного простовато,
А Зло коварно и хитро,
И часто видит в нем собрата
Прекраснодушное Добро.

Когда бы стало Зло честней
И маски бы не надевало,
Когда б Добро мудрее стало,
Порвав с наивностью своей, —
Жилось куда бы легче люду,
Царил бы мир у нас повсюду.

Я видел тех, кто никогда не плачет,
Кто лишь смеется... Видел также тех,
Кто только плачет, кто забыл, что значит
Целительный, как горный воздух, смех.
И — хоть не часто — все же мне
встречались
Те, что не плакали и не смеялись.

А ведь душа тогда-то и прекрасна,
Когда, стремясь на волю изнутри,
Соседствуют в ней стройно и согласно
Все эти три способности. Все три,
Сливаясь, чередуются, как волны,
И жизнь сияет солнечно и полно.

Я помню трудные года —
Счастливец сытый слыл тогда,
Я помню холод голых лет —
Счастливец слыл, кто был одет.
А нынче все мы — посмотри ты! —
Одеты хорошо и сыты.

Кто говорит сейчас о хлебе?!
Быть может, наше счастье в небе?
Да, человека

в синь высот

Теперь ведет тропа земная,
Он к Марсу путь найдет вот-вот...
Найдет ли счастье там?..

Не знаю.

Когда б к исходу странствия земного
 Вернуться в жизнь мне предложили б снова,
 Мой прежний путь сквозь счастье и
 несчастье
 Начать сначала — не даю согласия.
 Но и чужой — пускай прекрасный! —
 жребий
 Не нужен мне, хотя бы и на небе.

Когда б мое исполнилось желание —
 Я тотчас же, с последнего дыханья,
 По волнам лет в заманчивые дали
 Жизнь — жизнь мою! — продлил бы дале,
 дале...
 Нельзя?.. Тогда пусть кто-то за меня
 Продлит ее, не повторив ни дня.

«Друзья познаются в несчастье».
Но ты, испытав друга,
Не жди от судьбы напасти,
Чтоб горло сдавила туга,
Чтоб в грудь проникла, сжигая...
Проверка есть и другая.

Когда заглянет удача, —
Иной, с досадой не справясь,
Поздравит тебя, чуть не плача...
И щедрость души и зависть
Увидишь ты, как на блюде...
И в счастье друзья познаются.

Алиму Кешокову

Утрами, если не было тумана,
В тот час, когда на Маныче-реке
Резвятся исполинские сазаны,
Не раз Эльбрус я видел вдалеке.
Пленяло глаз на дальнем расстоянье
Округлых куполов его сиянье.

И вот вблизи, где словно на ладони
Все щели, все опалины на склоне,
Как прежде, я величием его
Любуюсь,

не следя за мелочами.

...Эльбрусом станьте — только и всего! —
Чтоб люди мелочей не замечали.

Я расскажу вам об одном коне,
Пугавшемся и тени за версту...

Гулявшего свободно в табуне,
Поймали и — на скачки, в Элисту.
А так как все в пути внушало страх,
Вели его с повязкой на глазах.

Так и пустили... Он пошел!.. И вдруг
Он всех коней опередил на круг!
А с глаз повязку сняли лишь потом —
Смотрел и удивленно слушал гром,
Несущийся к нему со всех сторон...

Он и не знал, что победитель — он!

В Норильске, где холод и вьюга,
В снегах Заполярной земли,
Красавицы нежные юга
На тонких стеблях расцвели, —
И вешнее чудо все длится
В Норильске, в стеклянной теплице...

Устав от работы недельной,
Норильцы в свой Крым самодельный
Приходят и дышат весной...
Особо она дорога,
Когда за прозрачной стеною
Беснуется, свищет пурга.

Как бывала радость горяча,
Если на открытую ладошку
Звездочки садились, щекоча!..
Языком слизнешь их понемножку, —
Вкусен в детстве раннем первый снег.
Пахнет ожиданьем первый снег.

А сегодня глянул сквозь стекло:
Что это?! Кругом белым-бело!
Седина ветвей над крышей белой...
Да когда ж все побелеть успело?!
Стал напоминаньем первый снег.
Пахнет расставаньем первый снег.

«Талантливо, талант!.. Не щедро ль раздаем
 Такие ярлыки? Ведь это несомненно:
 Расхожие слова теряют цену,
 И забывают все, что крылось в слове том», —
 Приятель мне сказал, и был он беспристрастен.
 Но все же до конца я с этим не согласен.

Ведь, строго говоря, и «бездарь» тоже слово,
 Которое для нас не так чтоб слишком ново,
 И повторять его приходится не раз...
 И все ж, по мне, уж лучше, ошибясь,
 В бездарном находить талантливости зерна,
 Чем «бездарью» честить талант — по злобе черной...

В живую ткань стиха, в его нутро
Воткнув, подобно скальпелю, перо
И от сустава отделив сустав,
Стал критик изучать его состав,
Принюхиваться, с лупой суетиться
Над каждою разъятою частицей.

У критика дотошного в руках
Стихи тотчас же превратились в прах,
В безжалостно искромсанное тело.
Душа стиха со стоном отлетела...
А критик все доказывал пространно,
Что не было в стихах души ни грана.

Склоняясь к трубке телефонной,
Шептал он:

— Милая, люблю!.. —

Часами ворковал влюбленно,
Сердился, точно во хмелю...
Лицо все чувства излучало.
А трубка между тем... молчала.

Он словно повторял ответы,
Как будто ревностью палим...
А «милой» и на свете нету:
Все им придумано самим.

...Быть может, так и мы, поэты,
Порою с жизнью говорим?!

СОБЛАЗН

Соблазн словами нежит слух,
Соблазн хорош на вид.
Дороги у него, как пух,
И доступ всем открыт.

Приманок у него — не счесть,
Прямым и тайных льгот.
Следя за нами
 там и здесь,
Лжеправдой он влечет.

Хоть маска у него светла —
Срывай ее тотчас!
Соблазн — агент секретный Зла,
Вербующего нас.

Благополучнейший поэт,
Исполнен пламенной отваги,
Разил — с наскоку — на бумаге! —
Врагов, каких в природе нет.
Так у безусого юнца
Стяжал он славу храбреца.

Поэта Кривда восхваляла
(Им не задетая нимало
И тем довольная вполне!):
«Как смело все!», «Как все искусно!»...
И только Правда
 в стороне
Чему-то усмехалась грустно.

Мы провожали друга до могилы.
О крышку гроба комья застучали.
И острой болью горло всем сдавило,
Невольно все потупились в печали...
Когда ж родные зарыдали в голос, —
Казалось, в сердце что-то раскололось.

Тут некто по бумажке монотонно
Пошел читать, следя при этом зорко,
Чтоб в текст, проверенный
и утвержденный,
Не вкралась бы какая оговорка...

Большее вдвое стало нам тогда
От горестной обиды, от стыда...

Когда свершивший славные дела
Не награжден, — в накладе он едва ли:
Молва о нем по-прежнему светла,
Дела его цены не потеряли;
Зато теряет уваженье тот,
Кто не воздал достойному почет.

Когда хитрец, бесславный до сих пор,
Наградой завладел путем обмана, —
Почетнее не стал он. Как ни странно,
Он только приумножил свой позор.
Всего же больше опозорен тот,
Кто хитрецам награды раздает.

Три вида сплетников известны мне
На всей земле. И в нашей стороне.
Родивший сплетню. Подхвативший сплетню.
И наконец, тот самый индивид,
Кто сделать жесткий вывод норовит
Из каждой сплетни... Этот вид последний —

Для сплетни плодородный чернозем,
Ее расцвет, ее опора в нем...
И если где-нибудь до руководства —
Не ровен час! — подобный тип дорвется, —
Его гоните, не жалея сил,
Покамест он еще не навредил!

Тот, кто ошибку совершил одну,
Признался в ней, раскаяньем

тревожим...

— На первый раз простим ему вину! —
Сказали люди. — Выправим!.. Поможем!.. —
Но кто-то крикнул, злобой распален:
Дурную, мол, траву из поля вон!

Тот злобный обвинитель, говорят,
Был во сто крат сильнее виноват
И не одну, а сто свершил ошибок...
...Как жаль, что ум у нас подчас не гибок,
И не всегда способны мы понять
Природу тех, кто любит обвинять.

Вот так картина вдалеке
Моим предстала взорам:
Калмык верхом на ишаке
Скакал степным простором!
Ну и скакун!.. Какая статья!
Неволью стал я хохотать.

Калмык на ишаке — смотри! —
В степи гарцует смело!

Так хохотал я, что внутри
Все словно опустело,
По жилам горечь разлилась,
И слезы брызнули из глаз.

Бегут на берег из глубокой мглы,
Рокочут, уплотняясь из тумана
Как мамонты — косматые валы
Великого седого океана.
За веком — век, за грозным валом — вал...
Я перед ними — как песчинка, мал.

Стою, смотрю в рокочущий простор,
И все мои заботы, все печали,
Те, что меня томили до сих пор,
Внезапно потускнели, измельчали,
Истаяли, со мной теряя связь...
Их словно не бывало отродясь.

Когда я замечаю с чувством боли,
Что, прошагав изрядный путь земной,
Не совершил я и десятой доли
Всего того, что замышлялось мной,
Я не ищу тогда причин извне, —
Истоки бед — они во мне.

Ни злобной завистью, ни нелюбовью
Никто, поверь, мне не чинил помех.
Во мне самом, в душе моей — гнездовье
Всех промахов моих, ошибок всех.

В том, что с мечтой свершения — не вровень,
Не мир, не люди, — только я виновен.

Устало сердце гнать по жилам кровь,
Страдать, сносить заботы, нелюбовь,
И годы тяжких войн, и просто годы,
И мудрый врач исправил зло природы:
Смог человеку снова жизнь вернуть,
Пересадив чужое сердце в грудь.

Но с прежним сердцем сжившееся тело
Измены совершить не захотело,
Не пожелало жить чужой судьбой...
Семь долгих лет жестокий длился бой,
И Верность верх над Жизнью одержала:
Чужое сердце биться перестало.

Когда, о степь! — и впрямь морской стихией
Была ты встарь и в синеве твоей,
Блестя, сновали рыбки золотые —
Веселые солдатики морей,
Скажи мне, степь, в траве твоей густой
Где весточка о рыбке золотой?

И если это повторится въяве,
Когда пройдет веков круговорот —
И зелень радостную разнотравья
Накроет синева слоистых вод,
Скажи мне, степь, как, вопреки судьбе,
Хоть весточку оставить о себе?

В поблекшем парке городском,
Где пахнет пылью и горючим,
Журчит целебным родником,
Будя мечту о самом лучшем
Волшебной музыкой своей,
Неутомимый соловей.

Будь благодарен соловью!
Не розы вокруг него, не травы.
Творит он музыку свою
Из горькой городской отравы
И шлет тебе поток рулад,
Внутри себя оставив яд.

О друзья мои, если вдруг
Сгоряча обронил я слово
И о слово обжегся друг,
То — клянусь! — без умысла злого!
Не судите вы обо мне
По невольной моей вине!

Лишь для вас я одолевал
Бури жизни, военный шквал!..
Дорогие, наше родство
Закалилось в огне событий.
Если я обидел кого —
Успокойте душу, простите!

СОДЕРЖАНИЕ

Некоторые мысли о поэзии	5
------------------------------------	---

ЗОВ АПРЕЛЯ

Перевод Ю. Нейман

«Когда я вижу, как цветок в апреле...» . .	13
«Могу ль усомниться, однажды изведав...»	14
«Трепеща, купаясь в тепле...»	15
«Псы родного хотона вдали...»	16
«Ветерок раздул занавеску...»	17
«Постойте! Вы были в стране Апреля?...» .	18
«Апрель, апрель желанный...»	20
«На улицах и на бульваре я...»	21
«Как песни лимбы — трепетной свирели...»	22
«Под деревьями густого парка...»	23
«Тучи появились в небе чистом...»	24
«То, что воздух душистый, степной...» . . .	25
«Когда, уйдя от суеты...»	26
«Глянцевитой лазурью плотной...»	27
«И безветренна даль, и тепла...»	28
«В день весенний, радости взрастивший...»	29
Полынь	30
Бабочка	31
«Ой, весна!.. Не балуй, гляди!..»	32
«Опять свершилось чудо...»	33
«Я посвятил стихи весне...»	34
«Когда я стоял, упиваясь игрою...»	35
«Зеленая, еще не колосится...»	36
«Кудрявый, на ножках точеных...»	37
«День двенадцатого апреля...»	38
Запахи весны	39

СТИХИ О ЛЮБВИ

«С тех пор как я люблю тебя...» <i>Перевод</i> <i>Ю. Нейман</i>	43
--	----

«С неба видел я полей квадратики...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	44
«Чтоб лучшие слова найти для вас...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	45
«Слово одно приказа...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	46
«К самому красивому тюльпану...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	47
Взгляд.	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	48
«Когда иссякнут сил моих остатки...»	<i>Перевод Н. Матвеевой</i>	50
«Ты счастье мне пророчишь взглядом...»	<i>Перевод Н. Матвеевой</i>	52
«Человек я современный...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	53
«Чем тебя порадовать могу?..»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	54
«Все время думать о тебе — давно...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	56
«Звезды с неба смотрят вниз...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	58
«Жду тебя...»	<i>Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова</i>	59
«В космической пучине ледяной...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	60
«Что было «до»?..»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	62
«Не веря и немного веря...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	63
«Что ж, если вы грустите о другом...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	64
«Как вчера...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	65
«— В юности, в далекие года...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	66
«Проходят мимо — парами, толпой...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	67
«Как раз в те дни...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	68
«Когда, ошибки не поняв моей...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	69
«Когда на юге в день апреля...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	70
Единственное счастье.	<i>Перевод С. Липкина</i>	71
«Зачем тащить весь город на руках?..»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	72
«Когда ты возразишь мне горячо...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>	73

«Народные сказания чисты...»	Перевод Ю. Нейман	75
Вера.	Перевод Ю. Нейман	77
«Близко ль время или далеко...»	Перевод Ю. Нейман	79
«...Когда подумаешь, вся жизнь была...»	Перевод Ю. Нейман	80
Облачко.	Перевод С. Липкина	81
«Небо синее внезапно почернело...»	Перевод Н. Матвеевой	82
«Погляжу очарованным взглядом...»	Перевод Ю. Нейман	83
«Только наша калмыцкая флейта...»	Перевод Ю. Нейман	84
«В те дни, когда ты мне сказала «да»...»	Перевод Ю. Нейман	85
Портрет.	Перевод С. Липкина	86
«В детстве, на поблекшей иллюстрации...»	Перевод Ю. Нейман	88
Женщина.	Перевод Ю. Нейман	89
Монолог благодарности.	Перевод Ю. Нейман	90

ДУША СЛОВА

Пушкин.	Перевод Ю. Нейман	95
Бахчисарай.	Перевод С. Липкина	98
«Над стройкой солнце мрело...»	Перевод Ю. Нейман	99
Поэт.	Перевод С. Липкина	100
Живой — с живыми.	Перевод Ю. Нейман	101
Читая «Джангар»	Перевод Ю. Нейман	106
Слово к человеческому слову.	Перевод Ю. Нейман	109
Душа слова.	Перевод Ю. Нейман	110
Поэзия.	Перевод Ю. Нейман	111
Обращение к словам.	Перевод Ю. Нейман	113
«Огромный непроточный пруд...»	Перевод Ю. Нейман	115
«Когда отчизна далека...»	Перевод Ю. Нейман	116
«Мне нынче друг во сне явился снова...»	Перевод Н. Матвеевой	118
«Чтоб ложь пронзить...»	Перевод Ю. Нейман	119

«Друзья похвалят, не перечая...»	Перевод Ю. Нейман	120
Юному поэту.	Перевод Ю. Нейман	121
«По просьбе некого поэта...»	Перевод Ю. Нейман	122
«Поэту, широко известному повсюду...»	Перевод Ю. Нейман	123
«Суди о даре и судьбе...»	Перевод Ю. Нейман	124

ВОЗРАСТ

Когда Ленину сто лет.	Перевод Ю. Нейман	127
Имя.	Перевод Ю. Нейман	128
«Я, прошагавший от начала...»	Перевод Ю. Нейман	130
«Весна.. Мне кажется порой...»	Перевод Ю. Нейман	131
«Кто Правду с Кривдой смешивал в одно...»	Перевод Ю. Нейман	132
«Любуюсь ли отарой пышнорунной...»	Перевод Ю. Нейман	133
Москва.	Перевод Ю. Нейман	134
Москве.	Перевод Ю. Нейман	135
Начало дня.	Перевод Ю. Нейман	136
«Никто не помнит...»	Перевод Ю. Нейман	138
«Насыщен воздух влагою ночью...»	Перевод Ю. Нейман	139
Мысль и время.	Перевод Ю. Нейман	140
Зерно.	Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова	141
Рельсы.	Перевод Ю. Нейман	142
«Случалось мне старцев калмыков...»	Перевод Ю. Нейман	143
Раздумье.	Перевод Ю. Нейман	144
«Дела, гремевшие в веках...»	Перевод Ю. Нейман	146
Кипучий мир тебя зовет.	Перевод Ю. Нейман	147
«Одолевая неудачи...»	Перевод Ю. Нейман	148
Новогодний тост.	Перевод Ю. Нейман	149
«На землю нынче...»	Перевод Ю. Нейман	151
Буран.	Перевод Ю. Нейман	152
Дальние сигналы.	Перевод Ю. Нейман	154

«Отсвечивая блеском лака...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	155
«Не признавая никаких препон...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	157
«Мой юный друг...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	158
Солнце живого лица. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	159
Друзьям детства. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	161
«Неуловимы памяти законы...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	163
«Ребята, не пришедшие с войны...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	164
Зерно и космос. <i>Перевод С. Липкина</i>	165
«Искусству различать заранее...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	167
Добро и зло. <i>Перевод С. Липкина</i>	169
Встреча через много лет. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	170
«Когда лютует злой мороз...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	172
Скончался мой друг. <i>Перевод Н. Матвеевой</i>	173
Другу. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	174
К солнцу. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	175
Далекое. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	176
Размышления о жизни и смерти во время болезни. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	179
О шамане. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	182
Тело. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	184
Друзьям. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	186
«Что «мягкость жесткое способна съесть...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	187
«Порой высоко смешно...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	188
«Когда другой в прозрачном небе...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	189
«Я помню прошлое. Я помню...» <i>Перевод</i> Н. Матвеевой	191
«Свой голос — будто бы не свой...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	192
Совет. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	193
«Я вижу, как с восторгом неустанным...» <i>Пе- ревод Ю. Нейман</i>	194
«Быль, что ты видал глазами...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	195
«Забыв про землю, глядя ввысь...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	196

«Как долго, о как долго дуб растет!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	197
«Верьте, я не слишком рад..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	198
«Паренек на блеклом фото..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	200
Дети переходят мостовую. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	201
«Когда над плачущим ребенком..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	203
«Когда играю с детворой..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	205
«Вы детей растите в холе..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	206
«Доверье — в этом дружбы суть..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	207
Размышления. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	208
«Нет счета открытиям..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	210
«За годом год уходит никуда..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	211
«С тем, что жизнь — лишь на Земле..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	212
Литве. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	214
«Приехал друг в родимые края..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	216
«Бывало, к домбре прикасалась ты вдруг..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	217
«Жизнь на лицах вяжет узелки..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	218
«Затрепетали лепестки тюльпана..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	219
О природе. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	220
Смотрю на мир.. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	221
«Нежная весенняя трава..» <i>Перевод В. Стрелкова и Д. Долинского</i>	223
«Когда весна — медлительно, не сразу..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	224
«Осенний лист на длинном черенке..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	225
«Ты, кто прежде..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	226
Степной орел. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	227
Дождь. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	228
В цирке. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	230

Мой разговор с сусликом. Перевод Ю. Нейман	232
На берегу озера. Перевод Ю. Нейман	234
Лето в Норильске. Перевод Ю. Вронского	236
Божья коровка. Перевод Ю. Нейман	237
Весна. Перевод Ю. Нейман	239
Весна пришла. Перевод Ю. Нейман	241
«Зеленое платье степей обвила...» Перевод Ю. Нейман	243
Смерть сайгака, или Расстрелянное утро. Перевод Ю. Нейман	244
Степная быль. Перевод Ю. Нейман	249

ЖИЗНЬ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Ленин. Перевод Ю. Нейман	255
Записки Ленина. Перевод Ю. Нейман	256
О Ленине. Перевод Ю. Нейман	257
«Жизни мира, длящейся века...» Перевод Ю. Нейман	258
«Когда среди степи — одиноко...» Перевод Ю. Нейман	259
«Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!...» Перевод Ю. Нейман	260
«Сколько свежести в народном слове...» Перевод Ю. Нейман	261
«Рисунки на скале или на чаше...» Перевод Ю. Нейман	262
«Создавший Гамлета бессмертный гений...» Перевод Ю. Нейман	263
«С тех пор, как вертится Земля...» Перевод Ю. Нейман	264
«Десять быстрых, волшебных слуг...» Перевод Ю. Нейман	265
«Я знаю: вечного на свете нет...» Перевод Ю. Нейман	266
«Еще не зазвучавших песен звук...» Перевод Ю. Нейман	267
«Я смерти не боюсь...» Перевод Ю. Нейман	268
«Не бряцай оружием напрасно!...» Перевод Ю. Нейман	269
«Так пишут иные о смерти поэта...» Перевод Ю. Нейман	270

«Пока не кончена строка...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	271
Закон движения. <i>Перевод С. Липкина</i>	272
Время. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	273
Достоинство мужчины. <i>Перевод С. Липкина</i>	274
«Метель беснуется...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	275
Боль. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	276
Счастье и горе. <i>Перевод С. Липкина</i>	277
«Жизнь! Сурово душу проверяя...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	278
«Молчанье — золото»... Молва...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	279
Несовместимости. <i>Перевод С. Липкина</i>	280
«Что им стоило казнить Джалиля...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	281
«Перешагнув жестокости предел...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	282
«Пулю кляли так или иначе...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	283
«На горы глядя, думал я не раз...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	284
«В заветах нашей старины...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	285
Прозрение. <i>Перевод С. Липкина</i>	286
Воспоминание. <i>Перевод Д. Долинского и</i>	
В. Стрелкова	287
Сквозь века. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	288
Прошлое. <i>Перевод С. Липкина</i>	290
«Не верь, что взгляды и черты...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	291
«У стариков калмыков есть проклятье...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	292
«О время щедрое!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	293
«Вам все простится, кроме превосходства...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	294
«Как на земле бессиден человек!..» <i>Перевод</i>	
С. Липкина	295
Жизни вечное продление. <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	296
«Дайте, дайте первую удачу!..» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	297
«Когда я вижу в солнечной аллее...» <i>Перевод</i>	
Ю. Нейман	298
«Под мерзлым настом, где земля черна...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	299

Возраст. Перевод С. Липкина	300
Руки труженицы. Перевод С. Липкина	301
«Зачем с запальчивостью молодой...» Перевод С. Липкина	302
«Когда вдали, как слабый огонек...» Перевод Ю. Нейман	303
«Пожарная машина мчится...» Перевод Ю. Нейман	304
«Любой из нас, кто трудится во имя...» Перевод Ю. Нейман	305
«Вода у самой кромки вала...» Перевод Ю. Нейман	306
«О судьба!.. За то, что по незнанию...» Перевод Ю. Нейман	307
«О жизнь!..» Перевод Ю. Нейман	308
«Приснились джунгли нынче мне во сне...» Перевод Ю. Нейман	309
«Когда я подвожу итоги...» Перевод Ю. Нейман	310
«С утра поливал я деревья в саду...» Перевод Ю. Нейман	311
«Разъяренного ветра порыв...» Перевод Ю. Нейман	312
«Как плохо слышим мы подчас...» Перевод Ю. Нейман	313
«Давным-давно залеченная рана...» Перевод Ю. Нейман	314
Сильный и слабый. Перевод С. Липкина	315
«Прошу друзья, не истолкуйте вкось...» Перевод Ю. Нейман	316
«Просят друзья: «Скажи нам йорел!»...» Перевод Ю. Нейман	317
«Гудя, пчела металась по стеклу...» Перевод Ю. Нейман	318
«Бейте, люди, пестрых волков!..» Перевод Ю. Нейман	319
Огонь. Перевод С. Липкина	320
«Когда человек в больнице...» Перевод Ю. Нейман	321
«Похвалите меня, друзья!..» Перевод Ю. Нейман	322
«Если ты чего-нибудь достиг...» Перевод Ю. Нейман	323
«У каждого свой нрав, своя душа...» Перевод Ю. Нейман	324

«Молодые, берегитесь зависти!..» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	325
«Не попирайте мертвые живых!..» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	326
«Когда разумный человек...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	327
«Обидевший зазря кого-нибудь...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	328
«Безрукий, под хмельком, тайком от посто- тового...» <i>Перевод С. Липкина</i>	329
«Солнцем напоен досыта воздух...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	330
«Парнишка напоролся на стекло...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	331
«Хороший человек не раз...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	332
«Я видел тех, кто никогда не плачет...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	333
«Я помню трудные года...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	334
«Когда б к исходу странствия земного...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	335
«Друзья познаются в несчастье...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	336
«Утрами, если не было тумана...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	337
«Я расскажу вам об одном коне...» <i>Перевод</i> Д. Долинского и В. Стрелкова	338
«В Норильске, где холод и вьюга...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	339
«Как бывала радость горяча...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	340
«Талантливо, талант!..» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	341
«В живую ткань стиха, в его нутро...» <i>Перевод Ю. Нейман</i>	342
«Склоняясь к трубке телефонной...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	343
Соблазн. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	344
«Благополучнейший поэт...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	345
«Мы провожали друга до могилы...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	346
«Когда свершивший славные дела...» <i>Перевод</i> Ю. Нейман	347

«Три вида сплетников известны мне...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	348
«Тот, кто ошибку совершил одну...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	349
«Вот так картина вдалеке...»	<i>Перевод</i>
<i>Ю. Нейман</i>	350
«Бегут на берег из глубокой мглы...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	351
«Когда я замечаю с чувством боли...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	352
«Устало сердце гнать по жилам кровь...»	
<i>Перевод Ю. Нейман</i>	353
«Когда, о степь! — и впрямь морской сти-	
хней...»	<i>Перевод Ю. Нейман</i>
	354
«В поблекшем парке городском...»	<i>Перевод</i>
<i>Ю. Нейман</i>	355
«О, друзья мои, если вдруг...»	<i>Перевод</i>
<i>Ю. Нейман</i>	356

Давид Никитич
Кугультинов

РАЗНОТРАВЬЕ
Стихи

Редакторы
М. Шаповалов и Ю. Кузнецов
Художественный редактор Б. Моким
Технические редакторы
Л. Амашкина, Е. Румянцева
Корректоры
О. Голева, З. Князькова

Сдано в набор 9/VI-1975 г. Подписано к печати
13/X-1975 г. А 12460. Формат изд. 70×90¹/₃₂. Бума-
га офсетная. Печ. л. 11,5. Усл. печ. л. 13,46. Уч.-
изд. л. 9,61. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4900. Це-
на книги в ледерине 1 р. 20 к.; в балакроне —
1 р. 12 к. Цена пластинки 15 коп.

Издательство «Современник»
Государственного комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Фабрика офсетной печати
управления издательства, полиграфии
и книжной торговли Волгоградского
облисполкома. Волгоград, ул. КИМ, 6

